К.И. Могилевский
К.А. Соловьев

П.А. Столыпин: личность и реформы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге представлен жизненный путь и государственная деятельность П.А. Столыпина. На основе широкого круга источников воссоздается программа реформ Столыпина, имевшая своей целью системную модернизацию России в начале XX столетия. Авторами подробно рассматриваются пути ее реализации и результаты правительственной политики в 1906–1911 гг. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

- П. А. Столыпин: личность и реформы
  -
  - Фонд изучения наследия П.А. Столыпина
  - Начало пути
  - Права и свободы граждан
  - Реформирование судопроизводства
  - Местное управление и самоуправление
  - Земельная реформа
  - Экономика, финансы, инфраструктура
  - Социальная политика
  - Образование, наука и культура
  - Военная реформа
  - Противодействие терроризму
  - Технология реализации преобразований
  - Результаты
  - Заключение

П. А. Столыпин: личность и реформы

К.И. Могилевский
К.А. Соловьев

П.А. Столыпин:
личность и реформы

Москва
РОССПЭН
2011

Фонд изучения наследия П.А. Столыпина

В 2012 году отмечается 150-летие со дня рождения нашего выдающегося соотечественника, председателя правительства России (1906–1911) Петра Аркадьевича Столыпина.

Столыпинская модернизация была направлена на раскрытие творческого потенциала народа. Задача состояла в том, чтобы энергичный талантливый человек мог добиться успеха не зависимо от сословной и национальной принадлежности, места рождения, материального положения семьи.

Столыпин до конца исполнил свой долг перед Россией. Он в кратчайшие сроки смог сформулировать идеологию реформ, определить их главные направления и, действуя в очень сложных условиях, реализовать многое из задуманного.

Столыпин не отбирал землю у богатых, отдавая ее бедным, он ставил своей задачей обеспечить необходимыми средствами бедных, научить их пользоваться тем имуществом, которое

государство помогало им приобрести. Запрет на участие ростовщического капитала в первичной приватизации способствовал быстрому росту среднего класса.

При Столыпине гигантскими темпами — на 3 млн человек в год — росла численность населения России, предусматривалось создание демократической системы местного самоуправления, мощный рывок совершила промышленность, совершенствовалась инфраструктура, в разы увеличились расходы на образование, было принято историческое решение о возрождении русского флота, потерянного при Цусиме. А тысячи населенных пунктов, основанных за Уралом столыпинскими переселенцами, по сей день являются памятником Петру Столыпину.

Результаты его работы, масштаб личности, безупречная честность, надежда на Бога и вера в Россию ставят Столыпина в один ряд с крупнейшими государственными деятелями нашей истории.

Президент Фонда
П. А. Пожигайло

Начало пути

Столыпин родился в Дрездене 2 апреля 1862 г. Это было время Великих реформ Александра II, когда было отменено крепостное право, учреждены органы местного самоуправления — земства, сформирована новая судебная система с судом присяжных, преобразована военная служба. Но реформы эти не были завершены. По-прежнему не было общероссийского представительного органа, общество продолжало делиться на неравноправные сословия, для большей части населения России пустым звуком оставались понятия «частная собственность» и «писаный закон», значительно ущемлялись права национальных и конфессиональных меньшинств. В условиях ускоряющегося развития ведущих мировых держав это грозило России стратегическим поражением в мировой конкурентной борьбе. Решать проблемы модернизации Отечества как раз предстояло поколению рожденных в 1860-е.

Петр Столыпин принадлежал к старинному дворянскому роду, хранившему традицию давней государственной службы. Среди близких родственников П.А. Столыпина — значимые имена русской истории и литературы: М.Ю. лермонтов, л. Н. Толстой, канцлер А.М. Горчаков. Детство П.А. Столыпина, как и М.Ю. Дермонтова, прошло в подмосковном имении Середниково. Здесь в 2006 г. усилиями Фонда изучения наследия П.А. Столыпина была открыта музейная экспозиция, посвященная жизни государственного деятеля.

Столыпин получил основательное домашнее образование, прошел полный курс классической гимназии в Вильне и Орле, сдав все экзамены (это удавалось немногим — менее чем половине из всех поступивших). В 1881 г. Столыпин поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Сам выбор специальности свидетельствует о многом: Столыпин предпочел науку, а не традиционную карьеру российского чиновника, юриста по образованию. Само по себе показательно, что Столыпин сдавал экзамены экстерном. В 1885 г. подготовил высоко оцененную преподавателями дипломную работу, за которую получил степень кандидата. Однажды Столыпину пришлось сдавать экзамен самому Д.И. Менделееву. Великий ученый так увлекся, что начал задавать вопросы, не освещенные в лекционном курсе. По воспоминаниям дочери будущего премьера Марии, «учившийся и читавший по естественным предметам со страстью, Столыпин отвечал на все, не задумываясь, так что экзамен стал переходить в нечто похожее на ученый диспут.

Наконец, профессор опомнился, схватился за голову: «Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно!»

Столыпин от природы имел волевой характер. С семи лет Столыпин тяжело болел. У него было редкое недомогание — тиф костного мозга, из-за которого он всю жизнь не владел кистью правой руки. Столыпин очень много в своей жизни писал и при этом испытывал физические страдания, всякий раз поддерживая правую руку левой. В течение 10 лет он каждый год переносил операции. У него было лишь два-три месяца на учебу в году, и, тем не менее, он неизменно наверстывал упущенное.

Столыпин рано, еще будучи студентом, женился. Для этого пришлось преодолевать недоверие руководства университета, которое с первого раза не дало своего согласия на брак, посоветовав сосредоточиться на учебе. Столыпину пришлось совмещать занятия со службой на низших чиновничьих должностях в Министерстве внутренних дел, а затем в Министерстве земледелия и государственных имуществ. С одной стороны, он считал важным сочетать теоретическую подготовку с практикой, а с другой — не пожелал перекладывать бремя забот о молодой семье на родителей.

Тринадцать лет, с 1889 по 1902 г., П.А. Столыпин служил ковенским (современный Каунас) уездным, а впоследствии и губернским предводителем дворянства. Зачастую люди, занимавшие такие должности, относились к ним формально. Для Столыпина же это стало настоящим общественным служением. Он всячески содействовал строительству сельских больниц и школ, создал сеть сельскохозяйственных складов, учредил приют для детей арестантов, приюты-ясли, народный дом в Ковно, организовывал торжества, посвященные столетию со дня рождения А.С. Пушкина. Им был подготовлен ряд аналитических записок (о страховании рабочих, о введении земского самоуправления в западных губерниях, об экспорте в Германию живого скота). Некоторые из этих записок направлялись министру внутренних дел В.К. Плеве, который заметил молодого энергичного предводителя дворянства.

Столыпин предлагал внимательно изучать современный западноевропейский опыт и по мере возможности использовать его в соответствии со сложившимися российскими реалиями. Он был человеком европейской культуры, которую хорошо знал и любил. Особый интерес у него вызывал сельскохозяйственный опыт Восточной Пруссии, где он часто бывал. Имение Столыпиных находилось в Колноберже (территория нынешней Литвы). Туда удобнее всего было проехать через Восточную Пруссию. В этих местах простые крестьяне преуспевали, а их

хозяйства были очень эффективными. Столыпин сравнивал их с нищающей русской деревней центральной России и делал вывод: основное различие между системами состоит в том, что прусский крестьянин, собственник своей земли, заинтересован в результатах своего труда. А русский крестьянин, лишенный собственности, был тем самым лишен всяких стимулов к труду. Сам Столыпин, бывая в Колноберже, всегда уходил в заботы о «посевах, посадках в лесу, фруктовых садах». Особенно интересовался коневодством.

Молодой Столыпин был в полной мере земским человеком. Он мыслил категориями не петербургских канцелярий, а местных нужд и чаяний русского земледельца. Характерна сама его речь, проникнутая образами сельскохозяйственного труда, но ставящая при этом коренной вопрос всего государственного строя России — проблему права и судебной системы: «В России умеют и привыкли говорить только члены судебного ведомства. Мы, люди служилые и помещики, умеем только писать и пахать. Поэтому попробую с грехом пополам выразить свою мысль сравнением из сельскохозяйственной жизни. Когда мы обрабатываем землю, то в процессе обработки участвуют три элемента: пассивный — сама почва и орудия обработки, плуг, активно же — пахарь — лицо, одухотворяющее работу своей мыслью, направляющего его своей волей. Успех работы зависит от него и он ведет хозяйство по пути сельскохозяйственной культуры. Нечто подобное мы видим и в деле народного правосудия. Народ, общество, судебные учреждения, закон представляют из себя элемент пассивный, пахарем же является судья, двигающий общество вперед по пути культуры нравственной. Разница тут в одном: земля в случае дурной ее обработки мстит неурожаем, но молчит, не ропщет, общество же без ропота неправосудия не переносит». Эти слова были произнесены 27 апреля 1897 г. на юбилее съезда ковенских мировых судей.

В 1902 г. Петр Столыпин был назначен гродненским губернатором. На посту руководителя местной администрации он оставался общественным деятелем, открытым для диалога с различными группами населения. Гродненская губерния была одной из «проблемных» в Российской империи в связи с ее многонациональным и многоконфессиональным составом. В бытность губернатором Столыпина в ней мирно уживались русские, поляки, евреи, белорусы. На этом посту Столыпин сформировался в деятеля общегосударственного масштаба. Определяющими для него были не узкорегиональные, а общенациональные интересы России. Здесь Столыпин впервые остро ощутил важность и жизненную необходимость сохранения

империи как целого. Опыт работы в западных губерниях России способствовал формированию его как государственника, оценивающего и решающего региональные проблемы в контексте общенациональных.

Столыпин пользовался в местном обществе заслуженным авторитетом благодаря своему уважению к людям, умению вникать в их нужды. Покидая Гродно в связи с назначением саратовским губернатором, он заявил своим сотрудникам, собравшимся его проводить: «Пребывание мое здесь в Гродно похоже было на прекрасный сон и как сон оно было слишком коротковременным. В короткое время пребывания моего в Гродно я не мог успеть заслужить то почетное внимание, какое оказано мне учреждением стипендии имени жены моей и моего пригродненской женской гимназии. Эти восемь месяцев, которые я вместе с вами жил и работал, — лучшие дни в моей жизни и, оставляя Гродненскую губернию, моя жена и я уносим с собой самые светлые воспоминания о милом и дорогом нам гродненском обществе».

В 1903 г. Столыпин переехал с берегов Немана на берега Волги. На посту саратовского губернатора во всей полноте раскрылись другие его качества: твердая и непреклонная воля в подавлении разного рода выступлений экстремистского характера, личное мужество, проявленное им в чрезвычайных ситуациях, способность вести диалог с рационально мыслящими представителями общественных кругов в условиях революции 1905 г. За время своего губернаторства он объездил более сотни населенных пунктов подведомственной ему территории на поезде, на пароходе, на лошадях. Столыпин лично проводил ревизию волостных правлений, канцелярий сельских старост, общался с людьми, вникая таким образом в положение дел в губернии. В годы Первой русской революции, когда большинство губерний пылали в огне крестьянского недовольства, такие поездки были чреваты опасностью для жизни. Столыпин же ей пренебрегал.

В 1905 г. беспорядки захлестнули Саратовскую губернию. Столыпин вместе с небольшим отрядом казаков передвигался от одного селения к другому, чтобы зарождавшееся недовольство и волнение не перерастало в открытый бунт. В феврале 1905 г. Столыпин оказался в одной из мордовских деревень, где крестьяне вопреки закону и требованиям властей вырубали леса, принадлежавшие помещику и известному общественному деятелю Н.Н. Львову. Не страшась последствий, без охраны Столыпин выступил на крестьянском сходе. Его окружали разъяренные местные жители, отчаявшиеся искать правду у

властей. Еще чуть-чуть и злоба переросла бы в насилие. К расправе готовились и казаки, ожидавшие только приказания губернатора. Но Столыпин стремился любыми путями избежать пролития крови. Он усмотрел в толпе зачинщика беспорядков, громче всех кричавшего и подбивавшего к возмущению остальных. Столыпин снял свое пальто с генеральской красной подкладкой. «На, подержи», — обратился он к буйному крестьянину, протягивая пальто. И зачинщик волнений, подчинившийся хотя бы в малом воле губернатора, был уже не страшен. Вместе с ним и остальная толпа, опустив глаза, слушала наставления Столыпина, во всем с ним соглашалась и каялась в содеянном. На следующий день вырубленный лес лежал на складах имения Н.Н. Львова.

1905 год обернулся беспорядками и в городах. Митинги с красными флагами и хоругвями сменяли друг друга, а иногда происходили их ожесточенные столкновения. Так 21 июля 1905 г. в одной из гостиниц города Балашова собрался съезд местных врачей. В окнах развевались красные знамена, из помещения раздавались революционные песни. Вокруг гостиницы собралась толпа в 2000 человек, готовая растерзать медицинский персонал г. Балашова. Ситуация могла бы выйти из-под контроля, если бы не Столыпин, оказавшийся в гуще событий. Он лично вывел из гостиницы врачей, спрятавшихся в подвалах и на чердаке, и с конвоем казаков проводил их до вокзала. Толпа, недовольная таким исходом дела, бесчинствовала: громила дома, избивала попадавшихся на пути докторов, метала в них камни. Один из них достался Столыпину, задев его и так больную руку. «Какие бы поводы не выставлялись для такого самосуда, он является беззаконным и диким произволом, которого я не потерплю. Против виновных будет возбуждено преследование. В случае повторения подобного насилия, оно будет прекращено военной силой», — гласило объявление губернатора.

Эффективность политики Столыпина в борьбе с революционными эксцессами была востребована в Петербурге. 26 апреля 1906 г. он был назначен министром внутренних дел. «Вчера моя судьба решилась, — писал П.А. Столыпин жене. — Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает».

Весной 1906 г. страна не знала, куда качнется маятник:

удержится ли монархия или же к власти придут революционные радикалы, останется ли земля у прежних владельцев или она будет роздана крестьянам. Столыпин стал министром за день до начала работ Первой Государственной думы, воодушевленной рождением народного представительства и мечтавшей в считанные месяцы реформировать все правовые и социальные устои России. Прежняя власть вызывала отторжение у депутатов, а появление министра в зале заседаний зачастую становилось поводом к скандалу. Да и сами высшие бюрократы не были готовы к диалогу с народными избранниками. На этом фоне со всей очевидностью выделялась фигура ПА. Столыпина, готового идти на компромисс с оппонентами, обладавшего безусловным даром красноречия и, что, пожалуй, наиболее важно, чувствовавшего нерв общественной жизни. Не случайно Столыпин вел переговоры с думским большинством относительно формирования правительства с включением в него представителей оппозиции.

Однако в Думе ситуация накалялась. Волна крестьянских выступлений не спадала. Со всех концов страны приходили сведения о возможности солдатских выступлений. Россия была на пороге катастрофы. Требовались решительные меры, одним из инициаторов которых и стал молодой министр внутренних дел.

8 июля 1906 г. был подписан указ о роспуске Думы и одновременно председателем Совета министров был назначен ПА. Столыпин. Новое правительство было решительно настроено на подавление всех возможных беспорядков, и вместе с тем оно сразу же пошло на контакт с представителями общественных кругов. Столыпин был готов к широкому участию земских деятелей в формирующемся кабинете, и не его вина, что из этой идеи ничего не вышло. И тем не менее, курс на широкий диалог с обществом станет краеугольным камнем всей столыпинской политики.

Придавая большое значение Государственной думе, Столыпин на одном из первых заседаний Думы второго созыва, 6 марта 1907 г., выступил с обширной декларацией, в которой обозначил основные задачи, стоявшие перед правительством. Депутат И.С. Клюжев писал жене: «Сам Столыпин производит чарующее впечатление, говорит он сильно, громко, уверенно и авторитетно. Декларация, чтение ее и сам Столыпин произвели на массу, не исключая и крайних левых, громадное впечатление. Заключительные слова Столыпина станут историческими. «Это сказано по-хозяйски», — уловил я фразу крестьянина-депутата. Лучше, сильней этих слов, сказанных от глубины души мужичка, и придумать трудно. Теперь у всех нас легко на душе. Работать

можно».

Многое из того, что было сказано П.А. Столыпиным, говорилось и до него. Ряд предложенных им преобразований обсуждался еще в правительстве С.Ю. Витте, прорабатывался товарищем министра внутренних дел В.И. Гурко и т. д. Однако эти многочисленные проекты чаще всего проектами и оставались. Они отвечали интересам отдельных ведомств, вызывали противодействие всех остальных и не было политической воли, способной реализовать их на практике. В данном же случае все эти разрозненные идеи складывались воедино и возникал план реформ, со свойственной ему системностью и продуманностью. И главное — заявляло о себе объединенное правительство, готовое воплотить эту программу преобразований. Первая из задач, поставленных Советом министров, состояла в установлении в стране социального мира. «Преступная деятельность, несомненно, затрудняет достижение конечной цели, но так как эта цель не может быть поставлена в зависимость от явлений случайных, то здравый государственный разум указывает на необходимость устранить препятствие, напрячь все силы и идти вперед к решению намеченных задач. Из этого ясно, что злодейства должны пресекаться без колебаний, что если государство не даст им действительного отпора, то теряется самый смысл государственности. Поэтому правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу. Долг государства остановить поднявшуюся кверху волну дикого произвола, стремящегося сделать господами положения всеуничтожающие противообщественные элементы».

Вторая задача состояла в проведении системных реформ, смысловым ядром которых было формирование первоначальных институтов правового государства и гражданского общества. Столыпин говорил: «Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, т. к. пока «писаный закон» не определит обязанности и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкований и воли отдельных лиц, т. е. не будут прочно установлены. Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности… и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также с произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц».

Реформы Столыпина затрагивали все ключевые сферы жизни

страны, были системными реформами. Можно выделить следующие основные направления преобразовательной политики столыпинского правительства:

- права и свободы граждан;
- формирование основ правового государства и разграничение ответственности ветвей власти;
- реформирование судопроизводства;
- реформа местного управления и самоуправления;
- земельная реформа;
- экономика, финансы и инфраструктура;
- социальная политика;
- образование, наука и культура;
- военная реформа;
- противодействие терроризму.

Права и свободы граждан

К началу XX века российское общество в значительной степени оставалось традиционным, а государственность — архаичной. Россия нуждалась в системной модернизации, которая бы придала импульс дальнейшему развитию страны. Для этого следовало уравнять в правах подданных империи. В России даже после цикла Великих реформ правовой статус в значительной мере определялся сословной, национальной и конфессиональной принадлежностью. А без создания единого правового пространства проведение политических, социальных и экономических преобразований было невозможным.

Стратегические цели столыпинской внутренней политики заключались не в землеустройстве и даже не в создании крепких собственников. Реформа не может быть целью. И аграрная реформа, и реорганизация системы управления, и модернизация экономики — это все средства. В чем же цель?

Цель столыпинской России заключалась в том, чтобы, сохранив уникальность своей культуры и вековых традиций, сохранить страну и не проиграть в мировой конкурентной борьбе.

Для этого следовало установить в стране правовой порядок, разбудить творческие силы народа, дать людям возможность свободно жить и трудиться. «Правовые нормы, — подчеркивал Столыпин, — должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ним в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц».

Основную задачу Столыпин сформулировал уже в августе 1906 г. в правительственном сообщении: «создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе». Законность и свобода — это и есть основы правового государства и гражданского общества.

Вместе с тем, Столыпин в начале своей работы на посту премьер-министра, по-видимому, находился еще в плену определенных иллюзий относительно правовых взглядов императора. Николаю II требовалось отказаться от мысли о неограниченной власти, однако он не был к этому готов, Думу лишь терпел и с охотой слушал представителей поместного дворянства. Последние настойчиво предлагали вернуться к

проверенной веками форме взаимодействия власти и общества. В этом заключалось одно из внутренних противоречий царской России, которые так и не удалось разрешить эволюционным путем.

Столыпин отчетливо понимал, что «без граждан правовое государство немыслимо». Правительство активно работало в направлении выравнивания прав русских подданных, создавая возможности для нормальной общественной жизни. Ключевое значение в этом плане имел Указ 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий», который самым непосредственным образом касался судеб многомиллионного сельского населения. «Уравнение прав крестьянства с остальными сословиями России, — считал Столыпин, — должно быть не словом, а должно стать фактом». Указ 5 октября 1906 г., с одной стороны, как раз и ликвидировал архаичную систему разного рода ограничительных мер, свидетельствовавших о вопиющей гражданской и политической неполноправности, а также об ущемлении личного достоинства крестьян, а с другой — предоставлял крестьянам широкий круг прав, уравнивающих их в положении с другими сословиями, в том числе и с дворянством (в отношении государственной службы). Согласно Указу, крестьяне могли без согласия общины и иных инстанций поступать в высшие учебные заведения, на гражданскую и духовную службу, оставаясь при желании в составе общины; окончательно отменялись подушная подать и круговая порука, ограничения, относящиеся к предпринимательской деятельности; земские гласные от сельских обществ избирались непосредственно крестьянами, а не утверждались губернатором из числа предложенных кандидатов.

Столыпинский проект «О неприкосновенности личности и жилища и тайны корреспонденции» продолжил серию законопроектов, изданных еще до Столыпина и направленных на обеспечение основных гражданских прав. Столыпин охарактеризовал меры, предусмотренные в данном законопроекте, как «обычные для всех правовых государств».

Согласно проекту, никто не мог быть наказан иначе, «как в порядке, законом определенном»; никто не мог быть судим «иначе, как тем судом, которому по закону подведомственно вменяемое в вину деяние», никто не мог быть задержан или заключен под стражу либо подвергнут личному обыску «иначе, как в случаях, законом определенных, и при том лишь по предъявлении письменного на то требования, от подлежащей судебной власти исходящего».

Одновременно в проекте фиксировались правовые функции полицейских, следственных и судебных органов, которые имели право действовать исключительно в рамках закона. Лица, задержанные полицией без санкции судебной власти, должны были быть в течение 24 часов «или освобождены, или же препровождены к судье либо судебному следователю», который «незамедленно и, во всяком случае, не позднее 24 часов опрашивает задержанного и отдает письменный приказ или о дальнейшем содержании его под стражей, или об освобождении».

В проекте содержались статьи, согласно которым «никто не может быть ограничиваем в избрании места пребывания или передвижения с одного места на другое, за исключением случаев, особо в законе указанных», и «вход в жилище без согласия его хозяина допускается не иначе, как по призыву из сего жилища или для оказания помощи при несчастных случаях, или же во исполнение должностным лицом возложенных на него законом обязанностей». Полиция могла производить «осмотры, обыски и выемки без постановления о том судебной власти лишь в тех случаях, когда ею застигнуто совершающееся или только совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия представителя судебной власти следы преступления могли бы изгладиться». В проекте говорилось о нерушимости тайны почтовых, телеграфных и телефонных сношений. Отступления от этого правила допускались лишь «в целях раскрытия преступных деяний».

Очевидно, разрабатывая данный проект, Столыпин ставил и решал две взаимосвязанные задачи: во-первых, личность, получив права, включалась в единое правовое пространство и воспитывалась в духе правопорядка и законности; во-вторых, фиксируемые в проекте права личности сопрягались с ее ответственностью перед законом.

Причем, речь идет не только о законопроекте, но и о политической практике, позиции премьера, лишний раз подтвержденной в интервью иностранному журналисту в сентябре 1906 г.: «Никто не подвергался и не будет подвергаться гонениям за свои политические убеждения. Но преследовались и будут преследоваться все те, которые пропагандируют идеи революционные и действуют революционно». Предполагалось снять ограничения, связанные с национальной и конфессиональной принадлежностью граждан России. Так, в законопроекте «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое» проводился принцип свободного избрания религии совершеннолетними. Ограничения на переход из одной веры в другую практически устранялись. В

период министерства П.А. Столыпина были заметно расширены права старообрядческих и сектантских общин. По сути, старообрядцы и сектанты были приравнены к лицам православного исповедания. П.А. Столыпин предпринял шаги и к разрешению еврейского вопроса. Он настаивал на снятии наиболее значимых ограничений, наложенных на еврейское население России: в т. ч. на разрешение проживания вне черты оседлости, на приобретение недвижимых имуществ в городе и т. д. А 22 мая 1907 г. был издан циркуляр за подписью П.А. Столыпина, согласно которому приостанавливалась высылка евреев, незаконно проживавших за пределами черты оседлости. На практике это обозначало фактическую ликвидацию черты оседлости в период действия этого циркуляра.

После потрясений Первой русской революции огромное значение приобрела проблема налаживания оптимального сотрудничества между исполнительной и законодательной ветвями власти. П.А. Столыпин был принципиальным сторонником сохранения народного представительства, без которого проведение преобразований в правовой, экономической и социальной сфере не имело бы предполагавшегося значения. Столыпин неоднократно подчеркивал, что Дума является важнейшим фактором «воссоздания государственных устоев порядка», что обеим ветвям власти важно найти «тот язык, который был бы одинаково нам понятен». Таким «языком» должно было стать схожее понимание правительством и «молодым народным представительством» общенациональных и общегосударственных задач. Обе ветви власти в рамках Основных законов, определивших круг их прав и сферу ответственности, нацеливались на совместное проведение в жизнь «обдуманных и твердых новых начал государственного строя», что, в конечном счете, и должно было привести «к успокоению и возрождению нашей великой страны». «Правительство, — подчеркивал Столыпин, — готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляется в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие».

Долгое время исполнительная и законодательная ветви власти так и не могли найти «общего языка». I и II Дума демонстративно отказались от сотрудничества с правительством. Столыпину в результате дважды пришлось инициировать решение о роспуске Думы и согласиться на весьма непопулярную в обществе меру — реформу избирательного законодательства.

По замыслу Столыпина, новый избирательный закон (3 июня 1907 г.) должен был обеспечить решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, избрать работоспособную Думу и, во-вторых, сформировать в ней большинство, готовое к конструктивной работе с правительством в деле реализации программы системных реформ. В итоге III Государственная дума действительно объединяла едва ли не все силы страны, готовые к конструктивной работе с правительством. Столыпин стал первым реальным политиком, который завершил процесс формирования «национального типа политической системы», соответствующей основной идее Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных законов 1906 г.

Лично Столыпин играл колоссальную роль в налаживании отношений между законодательной и исполнительной властью. Премьер-министр умело и гибко использовал как официальные, так и личные каналы связи с председателями Государственной думы и Государственного совета, лидерами ведущих думских партийных фракций правоконсервативного и либерального толка.

Совершенно новыми стали те разнообразные технологии, которые были предложены и апробированы на практике Столыпиным для разрешения конфликтных ситуаций между министрами и депутатами. С одной стороны, отлаживалась вся «цепочка» как процесса выработки и обсуждения, так и самой процедуры принятия законопроектов. В этом активно сотрудничали профессионалы-чиновники министерств и ведомств, «сведущие лица» из общественных и академических кругов, думские депутаты. Правительство искало договоренностей с народными представителями по каждому вопросу законодательства. Министры регулярно посещали пленарные заседания Думы и Государственного совета, выступали на них, работали в комиссиях представительных учреждений. Депутаты Думы и члены Государственного совета неоднократно приглашались министрами на частные или полуофициальные совещания, где в спокойной обстановке обсуждались предстоявшие обсуждению законопроекты.

С другой стороны, для выхода из кризисных ситуаций Столыпин с готовностью вступал в переговорный процесс с думскими лидерами. Он лично участвовал в наиболее важных заседаниях Государственной думы и Государственного совета, в работе их комиссий и комитетов. 48 раз он поднимался на трибуну в Таврическом и Мариинском дворцах, выступая с тщательно подготовленными, блистательными речами. Даже члены Думы, принадлежавшие к оппозиционным партиям, с большим вниманием слушали его и нередко аплодировали. По

словам депутата Н.И. Иорданского, «левые депутаты со своих мест плохо могли слышать, и они все гурьбой подошли к министерской трибуне и выслушивали речь Столыпина, как школьники, стоя руки по швам. А Столыпин властно «распекал» и трунил над левыми и решительно заявил, что правительство не допустит, чтобы места министров трактовали как скамью подсудимых». Опыт взаимодействия представительной и исполнительной властей в период премьерства П.А. Столыпина уникален в истории России. По сути, впервые был реализован правовой механизм широкой общественной экспертизы правительственных инициатив. Реформы же были не плодом традиционного бюрократического волюнтаризма, а результатом мучительного поиска компромиссов между властью и обществом.

В 1911 г. Столыпин подводил итог своей пятилетней деятельности: «Главное это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается самосознание и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницею только из народной войны». Как видим, Столыпин вполне прагматично оценивал свободу и признавал ее ценность.

В Российской империи предполагалась последовательная реализация принципа гражданского равноправия, которое бы способствовало формированию единой нации, цементирующей все государственное устройство страны. Этот принцип должен был осуществляться через систему выборного начала, начиная от низовых ячеек и структур (земельные, сельские общества и товарищества, сходы, советы, больничные кассы, профсоюзы, местное самоуправление) и вплоть до высших законодательных институтов — Государственной думы. Получая гражданские права и свободы, «становящаяся личность» непосредственно приобщалась к процессу выработки и принятия решений на всех уровнях. Реализация столыпинских проектов о правах и свободах граждан, безусловно, способствовала формированию в России нового типа личности — свободной, творчески активной, целеустремленной в выборе жизненной позиции и профессиональной ориентации. Именно такая личность и должна была обеспечить динамизм экономического роста в стране, создать основу социальной мобильности и политической стабильности.

Реформирование судопроизводства

Права человека только тогда в полной мере становятся правами, когда они гарантированы государством. Прекрасно осознавая, что декларирование прав и свобод личности само по себе важно, но явно недостаточно, Столыпин считал необходимым реализовать всеобъемлющую судебную реформу. Этим создавалось единое правовое пространство в масштабах всей России. Реформа предусматривала унификацию законодательства, пересмотр устаревших правовых норм, замену их новыми, более соответствующими тем материальным, социальным отношениям, которые формировались в ходе преобразований. Она была важным элементом в системе преобразований П.А. Столыпина.

Законопроект «О преобразовании местного суда» должен был способствовать тому, что суд стал бы дешевле и доступнее для населения. Он предполагал восстановление в сельской местности института мировых судей, которые бы избирались земскими собраниями (в городе — городскими думами). Они бы рассматривали ограниченный круг гражданских дел и уголовные дела, не влекшие за собой особо тяжких наказаний. Их решения можно было оспаривать в вышестоящих инстанциях. Одновременно государство отказывалось от «обломков» сословного судопроизводства — крестьянского волостного и земского начальника, преимущественно представлявшего местное дворянство. Соответственно, уходила в прошлое и практика вынесения приговоров согласно нормам обычного, т. е. неписанного права, основанного на предании и традиции. Это должно было способствовать рационализации судопроизводства, избавив его от бесконечных недоразумений, случайных и нелогичных решений.

Реформа предполагала повышение образовательного и профессионального ценза мировых судей, их тесную связь с территорией, на которую распространялась юрисдикция местного суда (проживание в данной местности не менее года), материальную обеспеченность и независимость (владение землей или другим имуществом). Мировые судьи избирались сроком на три года земскими собраниями и городскими думами. Причем должность мирового судьи не могла быть совместима с другой должностью по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях, а также звания гласного земских собраний и городских дум.

В законе была четко прописана компетенция мирового судьи, круг рассматриваемых им гражданских дел (имущественные дела, о найме, аренде, наследстве и т. д., не превышающие сумму в 1 тыс. руб.), уголовных дел (выговоры, денежные взыскания на сумму не свыше 1 тыс. руб.; арест на 15 суток и заключение в тюрьму без права лишения состояния и преимуществ). Согласно закону, граждане, обратившиеся в мировой суд, могли воспользоваться услугами высококвалифицированных адвокатов, а в случае необходимости им представлялись и услуги переводчика. Одновременно предусматривался ряд мер, направленных к упрощению и облегчению действующего гражданского процесса. Важно подчеркнуть, что закон о реформе местного суда пронизывала мысль о его самоценных примирительных и арбитражных функциях, позволявших добиться в ходе следствия и самого судебного процесса примирения сторон, способствовавших поиску и принятию консолидированных решений.

Помимо этого, правительство П.А. Столыпина внесло в Государственную думу целый ряд инициатив, направленных к укреплению единого правового пространства Российской империи. Предполагалось определить права человека во время предварительного следствия, установить условный срок осуждения, ввести принцип гражданской и уголовной ответственности чиновников, посягнувших на свободы и права граждан. Причем, в данном случае речь шла о государственных служащих самого высокого ранга — председателе Совета министров, остальных министрах, членах Государственной думы и Государственного совета, губернаторах и др.

Иными словами, предполагалось «вплести» в ткань законов Российской империи декларированные гражданские свободы, обеспечив процедуру их отстаивания и сделав ответственными за их осуществление все государство и каждого чиновника в отдельности. Реформа местного суда имела огромное значение, поскольку имела целью обеспечить действительное равенство всех перед законом, независимо от сословной принадлежности.

Местное управление и самоуправление

Правительство П.А. Столыпина одной из главных своих задач считало упорядочение устройства жизни в деревне. На это были направлены аграрная реформа и реформа местного управления. В отечественной научной литературе и в сознании народа первая из них тесно связана с именем П.А. Столыпина и с ним ассоциируется, а вторая находится где-то на задворках. Между тем, факты говорят о том, что более сложным для столыпинского правительства оказался не вопрос о земельных наделах, а вопрос о власти в деревне.

Только крестьянская община являлась в деревне некоей целостной единицей, субъектом и объектом управления. В то же время, в связи с естественным ходом жизни и проведением аграрной реформы в деревне появлялось все больше людей и участков, не входивших в общину. К таковым относились и помещики, и вышедшие из общины зажиточные крестьяне. П.А. Столыпин считал, что и те, и другие, независимо от сословной принадлежности, должны обладать равными правами в самоуправлении. Столыпину часто приписывают фразу: «Сначала успокоение, потом реформы». Она, даже если и была произнесена, неточно передает его позицию. Вот что на самом деле говорил Столыпин о ситуации на селе: «Я знаю, многие думают, что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо все оставить по-старому. Но правительство думает иначе и сознает, что его обязанность способствовать улучшению местного строя. Правительство убеждено, что, прекращая всякие попытки к беспорядкам, безжалостно прекращая их физической силой, оно обязано всю свою нравственную силу направить к обновлению страны. Обновление это, конечно, должно последовать снизу. Надо начать с замены выветрившихся камней фундамента и делать это так, чтобы не поколебать, а укрепить постройку. Порядок и благоустройство в селах и волостях — вот вопиющая нужда в деревне. Никто не будет отрицать, что интересы членов сельских обществ, связанные совместным владением землей, не поглощают интересов того же села по вопросам благоустройства; а чем больше село, тем больше в нем посторонних жителей, тем больше расчленяются эти интересы, тем меньше получают удовлетворение интересы благоустройства. Наши крупные села, наши железнодорожные поселки представляют из себя нечто хаотическое — какое-то накопление человеческого жилья без всяких признаков порядка и благоустройства. Но кроме интересов, ограничивающихся

сельской и усадебной оседлостью, за пределами села и усадьбы имеются и другие интересы, соединяющие людей. Поэтому кроме проекта, идущего навстречу первой потребности, проекта о поселковом управлении, Министерство должно было обратиться к удовлетворению нужд и интересов, касающихся мелких административных услуг, в которых нуждается каждый обыватель в волости, услуг по выполнению повинностей натуральных, денежных, воинской повинности, по принятию первоначальных полицейских мер, по ведению распорядка в местах скопления народа и т. п. Всем этим потребностям удовлетворяет в благоустроенных государствах мелкая административная единица. У нас эта единица — волость — имеет сословный крестьянский характер, но едва ли справедливо возлагать на одно сословие обслуживание нужд всех обывателей деревни. Отсюда и появилось предположение о привлечении всех лиц, владеющих недвижимостью в волости, к выполнению волостных повинностей и, как последствие этого, к участию их в волостном управлении… Министерство настаивает на необходимости иметь крепкую упорядоченную мелкую административную единицу, хотя и основанную на выборном начале, но ни в коем случае не могло бы помириться с созданием исключительно одной мелкой земской единицы, на которую в качестве привходящей функции было бы возлагаемо исполнение некоторых административных поручений. Правительственный законопроект исходит как раз из обратного построения, видит в этом необходимую гарантию порядка и сходится в этом с устройством большинства благоустроенных европейских государств».

Уже в 1907 г. были внесены в Государственную думу «Положение о поселковом управлении» и «Положение о волостном управлении». Законопроекты предполагали учреждение органов местного самоуправления на самом низовом уровне — в поселковом обществе и волости. Причем речь шла о бессословной организации этих учреждений. В устройство поселка вносилось принципиальное новшество — он не должен был более основываться на общине. Поселок виделся Столыпину как «бессословная самоуправляющаяся единица» с открытым доступом в нее всем лицам, «заинтересованным в благоустройстве поселка с привлечением сих лиц и к несению соответствующих податных тягостей».

В состав поселка как такой единицы должны были войти все лица и учреждения, владеющие на его территории недвижимостью или содержащие в черте усадебной оседлости села торговые, промышленные или ремесленные заведения. «Наше местное управление должно быть построено по той же

схеме, как и в других благоустроенных государствах, — говорил П.А. Столыпин. — Посмотрите на Францию и Германию. Везде одно и то же. Внизу основой всего — самоуправляющаяся ячейка — сельская община, коммуна, на которую возложены многие обязанности и государственные, как-то: полицейские, дела по воинской повинности и пр… Нечто аналогичное необходимо создать и в России».

Наиболее ожесточенное сопротивление помещиков встретила предложенная Столыпиным реформа уездного управления. Смысл необходимых изменений сводился к установлению исполнительной вертикали от министра до руководителя уездных государственных органов. Вплоть до начала XX в. государственная власть заканчивалась в губернии; властные функции в уезде исполняли предводители дворянства; эта должность была, во-первых, общественной, т. е. безответственной, а во-вторых, сословной. А вопросы, относившиеся к компетенции предводителей, были важны для всего населения, к ним, в частности, относилось землеустройство. Поместные землевладельцы, из которых избирались предводители, к началу XX в. уже в значительной мере оскудели землей, процесс этот продолжался, и они с ним мирились как с неизбежностью. Тем более ожесточенное сопротивление встречали попытки лишить их «последнего» — власти на местах, пусть даже зачастую только формальной. Для многих помещиков подобное решение было неприемлемым. Служилый класс, который основал государство и являлся его опорой, вдруг оказался государству не нужен, и это было оскорбительно. Функция представлять в уезде государственную власть, решая вопросы самого широкого спектра, уплывала из рук вместе с соответствующими источниками дохода, и это было неприятно.

П.А. Столыпин, убеждая помещиков, указывал: «Нигде в Европе, ни в Германии, ни в Австрии, ни во Франции нет такой слабой по конструкции администрации, как у нас, между тем, усиление администрации означает ослабление произвола. У нас же в губернии власть разъединена, уезд же лишен целостного административного устройства. Если в разгар революционного движения не время было перестраивать ряды администрации, то теперь в этом представляется безусловная необходимость, и поднять этот вопрос лежало на обязанности Правительства». Столыпин констатировал, что «на значительном часто пространстве уезда совершенно до настоящего времени отсутствует объединяющий орган управления». Таким органом должно было стать «лицо, обладающее распорядительной властью и уполномоченное давать общее направление делам». Четкая и

управляемая структура, встроенность уездного управления в вертикаль, давала правительству возможность эффективно бороться с революционным движением. Столыпин отмечал, что «отсутствие главы уезда, расстройство уезда особенно сказалось в революционный период, когда у администрации не оказалось на местах ответственных руководителей». Правительственная власть, по Столыпину, должна была обрести своего представителя на уровне уезда. Учреждалась должность начальника уездного управления, в ведении которого были все уездные правительственные учреждения и участковые начальники. В свою очередь он сам непосредственно подчинялся губернатору. Таким образом, правительство выстраивало стройную административную иерархию, способную оперативно реагировать на вызовы времени.

Действительно, предводители дворянства, которые осуществляли фактическую власть в уезде, вовсе не увязывали свои действия с решением каких-либо государственных задач, проведением на местах государственной политики, занимались местными интригами, действовали зачастую незаконно и насильно, а нередко и вовсе отсутствовали в уезде. Уровень уезда — это тот уровень, на котором принимались решения о большинстве налогов и землеустройстве; уездное дворянство, земщина — это та корпорация, которая на практике не делилась на волости и на поселки и, по большому счету, не объединялась в губернии. Это круговая порука, это многочисленные родственные и деловые связи, это, в иных случаях, настоящий змеиный клубок. Столыпин планировал разрубить этот узел и установить баланс «твердо поставленной и энергично действующей административной власти» и «широко развивающегося самоуправления».

Вместе с тем, П.А. Столыпин настаивал на упразднении должности земского начальника, который, обладая властными полномочиями, также представлял узкосословные интересы. Вместо него предполагалось учредить должность участкового комиссара — агента правительства при поселковых и волостных органах местного самоуправления.

Таким образом, планировалось, что самоуправляющееся общество будет проявлять свою творческую активность на всех уровнях, начиная от поселка и кончая государством. Кроме того, сфера компетенции уездных и губернских земств, а также органов городского самоуправления расширялась, а имущественный ценз для участия в работе этих учреждений снижался. Иными словами, правительство стремилось к расширению круга лиц, так или иначе участвовавших в управлении государством.

П.А. Столыпин решал двуединую задачу. С одной стороны, он добивался большей эффективности власти, устраняя все противоречивое и архаичное, накопившееся за два столетия. С другой, эта власть должна была находиться в тесной связи с широкими кругами общественности, доверяя им многие права и полномочия. Именно такая власть должна была стать «своей» для общества.

Земельная реформа

Одна из ключевых проблем российской истории начала XX века — неэффективность крестьянского хозяйства, сдавливаемого архаичными нормами общинного уклада жизни. Российское крестьянство, составлявшее порядка 80 % населения страны, получило в 1861 г. личную свободу, однако оставалось связанным множеством ограничений.

Основные из них были обусловлены существованием общины. Столыпин высказывался об этой институции крайне жестко. «Наша земельная община — гнилой анахронизм, здравствующий только благодаря искусственному, беспочвенному сентиментализму последнего полувека, наперекор здравому смыслу и важнейшим государственным потребностям. Дайте выход сильной личности в крестьянстве, освободите ее от воздействий невежества, лени и пьянства, и у вас будет прочная, устойчивая опора для развития страны без всяких утопий и искусственных, вредных скачков. Община в ее настоящем виде не помогает слабому, а давит и уничтожает сильного, давит народную энергию и мощь». Столыпин прямо связывал аграрные преобразования и создание гражданского общества. По его словам, Россия «до сих пор была государством сословным, причем самое большое сословие, крестьянство, в десять раз превышающее численностью все остальное, вместе взятое, было обезличено главным образом общиной. Это не отдельные граждане, а людская амальгама, масса, в которой индивидуализму открыта только одна дорога — кулачество. В ней нет понятия о гражданственности, о связанных с нею правах и обязанностях, следовательно, нет и граждан. Нужно создать этих граждан, нужно дать способной части крестьянства возможность сделаться ими».

Аграрные преобразования были лишь инструментом для создания в России гражданского общества. На это же были направлены и другие важнейшие реформы: самоуправления, образования, социального страхования и др. Крестьянство намного превосходило по численности все прочие группы населения, поэтому именно работе с ним Столыпин уделял повышенное внимание.

Решение аграрного вопроса П.А. Столыпин видел в превращении крестьянина в собственника своего земельного надела. Кроме того, человека необходимо было наделить имущественными правами, дабы гражданские и политические права не оставались пустой буквой. «Пока крестьянин беден, пока

он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, — говорил Столыпин, — он остается рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы». Отсюда вытекала главная стратегическая задача — «снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает». Крестьяне должны были сами сделать свой выбор, ибо, считал Столыпин, «закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными». Для реализации этой задачи правительством был инициирован целый комплекс мер. Указом 9 ноября 1906 г. крестьянин получил право укреплять в собственность свой надел, который прежде он не мог ни продать, ни заложить, ни сдать в аренду. Указ 9 ноября 1906 г. должен был стать, по Столыпину, последним звеном в «деле раскрепощения нашего земледельческого класса». Указ ликвидировал насильственное прикрепление к общине и раз и навсегда уничтожил закрепощение личности, несовместимое с «понятием о свободе человека и человеческого труда». Но чтобы крестьянин окончательно почувствовал себя свободным, ему, подчеркивал Столыпин, следует дать возможность «укрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность.

Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отошла, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая. Пусть будет наследственная». Считая чувство личной собственности природным свойством человека, Столыпин настаивал на том, чтобы в России сформировался мощный класс крестьян-собственников, который в аграрно-крестьянской стране станет, с одной стороны, основным источником формирования среднего класса, а с другой — прочным фундаментом гражданского общества и правового государства.

В январе 1911 г. в частной беседе П.А. Столыпин говорил: «Освободили крестьян в 1861 году и успокоились. Не считались с эволюцией их мировоззрения и разросшимся постепенно в России социальным движением. Земля, сосредоточенная в руках «помещиков-тунеядцев», эксплуатирующих крестьян-арендаторов, конечно, крупный козырь в руках социалистов для подкапывания под государственность. Что-то надо было предпоставить разрушающему их влиянию. Лозунги, обещания — им не верят. Силу казаков? Палка о двух концах — и эта мера действительна до поры до времени. Надо создать крестьянина-собственника, освободить его от общины, дать кредит. Собственность свою

крестьянин будет ценить и защищать. Инициативы и энергии у русского мужика непочатый край. Надо их использовать. Привить крестьянину-собственнику социализм не удастся, он станет большей опорой монарха и осознает свою родину. Попутно, конечно, самое серьезное широкое содействие деревне агрономической помощью и мелким кредитом. Ответственность кармана в учреждениях мелкого кредита будет заставлять думать, разовьет самодеятельность. Мало земли у крестьянина, — да, — но у нас есть земельный фонд у Крестьянского банка, ресурсы государства, да я считаю, что близко уже то время, когда нам придется стать перед вопросом экспроприации частновладельческих земель. Что меня ждет в последнем случае, если указ 9 ноября 1906 года и закон о землевладении в Юго-Западном крае вызвали такую бурю и нападки на меня… Еще одно крупное государственное потрясение в недалеком будущем — и мы пойдем к гибели».

Будучи полноценным владельцем своего земельного участка, крестьянин мог брать ссуды в Крестьянском банке, отвечая за выполнение взятых обязательств своим имуществом. Крестьянский банк выполнял и другую важную функцию. Он покупал земли поместного дворянства и на выгодных условиях перепродавал их успешному крестьянству. Таким естественным, мирным образом происходило перераспределение земельного фонда. Горизонты планирования у столыпинского правительства были весьма широки. Кредитование крестьянства под 4,5 % годовых на срок свыше 50 лет давало возможность домохозяевам существенно улучшить жилищные условия своей семьи, «растянув» выплаты по займу на 2–3 поколения.

Простое изменение правового статуса крестьянского надела не могло привести к качественным изменениям в крестьянском хозяйстве. Обычный надел был разделен на множество полос, между которыми пролегали значительные расстояния. Это заметно затрудняло земледельческие работы. Таким образом, перед правительством вставала проблема землеустройства, которое сводило бы воедино полосы одного надела. В итоге возникал бы отруб или хутор (если бы от общины обособлялся не только земельный надел, но и усадьба с хозяйственными постройками). Столыпин не просто объявил аграрную реформу и обеспечил ее законодательно, он предусмотрел создание мощного инструмента реализации своих планов. В целях «выяснения на местах земельных нужд крестьянского населения и содействия к расширению и улучшению его землевладения» в деревню были направлены хорошо подготовленные специалисты, которые должны были воплотить в жизнь столыпинские идеи

землеустройства.

Одно из принципиальных направлений столыпинских реформ, тесно связанное с аграрной реформой — переселенческая политика. Правительство было вынуждено решать проблему перенаселенности деревни. Избыточность рук в деревне порождала очевидный земельный голод. Соответственно, вставала необходимость направить крестьянские массы в те регионы, которые остро нуждались в заселении — Сибирь и Северный Кавказ. Правительство выделяло переселенцам льготные кредиты, финансировало их переезд и даже на первых порах безвозмездно передавало в их собственность государственные, удельные и кабинетские земли.

Анализируя опыт переселенческой политики, правительство пришло к выводу о необходимости отказаться от практики повсеместной даровой раздачи земли, сохранив при этом дифференцированный подход к переселенцам. Даровая раздача земли переселенцам ограничивалась труднодоступными в хозяйственном отношении местностями. В остальных же районах вводилась продажа земли по заранее определяемой школе расценок. С одной стороны, правительство вводило меры, облегчающие ходачество (бесплатная перевозка ходоков, упрощение порядка предоставления ходокам особых свидетельств), а с другой — в целях ускорения мобилизации и оборота земельного фонда принимало меры по ограничению срока сохранения переселенческих участков за ходоками, самовольно покинувшими места заселения.

Экономика, финансы, инфраструктура

Гражданская свобода не может считаться полноценной, если она не подкреплена свободой хозяйственной деятельности. Поэтому одним из направлений деятельности правительства П.А. Столыпина было снятие многих ограничений с экономической активности человека. Государство отказалось от чрезвычайно тягостной для предпринимателей разрешительной процедуры учреждения акционерных компаний, открывавшей широкий простор для бюрократического произвола. Вместо нее вводился явочный принцип регистрации акционерных обществ. Государство также пошло на реформирование нормативной базы для совершенствования финансовокредитной системы, облегчавшей деятельность малых и средних компаний. Был разработан Устав Банка обществ взаимного кредита, Устав кассы городского и земского кредита.

Предполагалось провести серьезные преобразования и в области налоговой системы. Во-первых, планировалось упорядочить налоги, на что и было направлено «Положение о поземельном и промысловом налогах». Во-вторых, налоговая система должна была стать социально ориентированной, что способствовало бы поддержанию внутреннего мира в России. Для этого правительство предлагало ввести подоходный налог с прогрессивной шкалой. Минимальная сумма, с которой бы он взимался, была по тем временам весьма значительной — 850 р. в год. Причем подразумевался индивидуальный подход при назначении суммы налогов. Устанавливалась целая система льгот: так, в случае особых семейных обстоятельств сумма налогов могла заметно снижаться. Из налогооблагаемой базы исключались наследства, дарственные получения, страховые вознаграждения, выигрыши по процентным бумагам, суммы, направленные на богоугодные, благотворительные и просветительные цели. Обложению не подлежали император, наследник престола и члены их семей. Важно, что подоходный налог не распространялся исключительно на физических лиц, им облагались определенные учреждения, общества, компании, товарищества, артели и общественные собрания. Таким образом, П.А. Столыпин проводил политику социально-экономического регулирования во имя снятия остроты конфликтов между различными общественными группами.

В конце XIX — начале XX вв. в России началось интенсивное освоение месторождений полезных ископаемых. Столыпин понимал, какие преимущества это дает в мировой конкурентной

экономической борьбе. При нем был открыт широкий доступ крупному частному капиталу к разработке угольных и нефтяных месторождений, к добыче золота и платины, к освоению новых территорий в Сибири, Приморье, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье. Правительство разработало правила допуска частного капитала к разработке нефтяных месторождений. Основными условиями были стабильная добыча нефти и доступные цены на нефтепродукты. Важнейшее значение для справедливого распределения природной ренты имело то, что арендатор был обязан уплачивать в казну разницу между стоимостью обязательного для добычи количества нефти по рыночной цене и стоимостью ее по условной цене. Последняя и являлась предметом торга при предоставлении участка в аренду, т. е. возможность работать с месторождением получала компания, обязавшаяся больше платить государству. Рыночная цена фиксировалась специальным государственным органом. Причитающуюся казне долю арендатор должен был заплатить в расчете на те периоды, когда рыночная цена превышала условную, и в объемах, соответствующих обязательной добыче. Иных последствий несоблюдение арендатором требования об обязательной добыче не несло. Нефть, добытая сверх нормы, подлежала оплате долевыми отчислениями натурой или деньгами по рыночной цене.

При этом правительство уделяло значительное внимание развитию инфраструктуры. Государство несло большие финансовые расходы на строительство новых, стратегически значимых железнодорожных магистралей: второй путь Сибирской магистрали, Амурскую железную дорогу и т. д. Кроме того, в годы премьерства П.А. Столыпина активно строились шоссейные и грунтовые дороги, морские порты, склады, элеваторы, развивалась сеть телефонного и телеграфного сообщения и т. д. Иными словами, имела место неуклонная модернизация всех средств коммуникации.

В экономической сфере правительство П.А. Столыпина одновременно решало две задачи. С одной стороны, оно расширяло правовое пространство для свободного предпринимательства. С другой, оно заявляло о государстве как о решающем факторе существования этого пространства. Оно определяло правила игры, гарантировало их соблюдение и непосредственно отвечало за развитие инфраструктуры.

Социальная политика

На рубеже XIX–XX вв. в европейскую политику пришло осознание социальной ответственности государства за уровень жизни своих граждан. Сформировалось убеждение, что право на достойное существование — неотъемлемое право каждого, которое должно быть гарантировано правительственной властью. В противном случае, общество никогда не выйдет из череды социальных конфликтов, которые в итоге дестабилизируют всю политическую систему. Этот мотив стал одним из определяющих и в государственной деятельности П.А. Столыпина.

Гибким и дифференцированным был подход к социальным гарантиям рабочих. До Столыпина оказание денежных пособий рабочим, здоровью которых на предприятии был нанесен ущерб, всецело входило в область частной инициативы промышленников. Несправедливость и неэффективность этой системы Столыпин понял задолго до того, как оказался на вершине власти. Будучи ковенским губернским предводителем дворянства, он выступал против введения административных барьеров для рабочих, желающих эмигрировать. Столыпин писал: «Мы улучшаем содержание своего скота…, рабочий же наш слабеет с каждым днем… Физическому закону диффузии подчинены не только жидкости, но и людские массы: из тех мест, где они угнетены трудными условиями жизни, они естественно перемещаются в местности, где гнет материальных условий не так тяжел».

Столыпин был одним из первых, кто поставил вопрос о страховании рабочих. В должности гродненского губернатора он продолжал свою линию, рассматривая социальное страхование как «предохранительный клапан» против распространения социалистических идей. Когда Столыпин возглавил правительство, то впервые в России была разработана и начала внедряться система социального страхования.

Предполагалось окончательно запретить ночной труд женщин и подростков, а также их использование при подземных работах. Рабочий день подростка сокращался. При этом работодатель был обязан отпускать его ежедневно на 3 часа для обучения в школе. В ноябре 1906 г. были утверждены положения Совета министров, устанавливавшие необходимые часы отдыха для служащих торговых и ремесленных заведений. Рабочий день ограничивался 12 часами, причем в тех случаях, когда он превышал 8 часов, устанавливался перерыв для приема пищи общей продолжительностью не менее двух часов в день.

В 1908 г. в Государственную думу были внесены законопроекты «Об обеспечении рабочих на случай болезни» и «О страховании рабочих от несчастных случаев». Предприниматель должен был предоставить врачебную помощь своему работнику. В случае болезни рабочий обеспечивался больничными кассами рабочего самоуправления. Были также установлены выплаты, полагавшиеся утратившему трудоспособность, и членам семьи в случае смерти рабочего от производственных травм. Разрабатывались проекты о распространении этих норм и на служащих государственных предприятий (например, подведомственных Министерству финансов и Министерству путей сообщений).

При этом правительство считало необходимым юридически закрепить за гражданами возможность отстаивать свои экономические интересы. Так, предлагалось разрешить рабочим экономические стачки, а, соответственно, расширить возможности для самоорганизации, создания профсоюзов.

Также правительство Столыпина своими социальными мероприятиями стремилось поддерживать Православную церковь, прежде всего в лице ее служителей низового звена — городского и сельского приходского духовенства, чтобы на фоне коренных преобразований экономического и социального уклада обеспечить в широких слоях населения устойчивость нравственно-этических традиций.

Разрабатывая принципы новой социальной политики, правительство Столыпина пошло на инновационный шаг: «увязало» проблему повышения материального уровня чиновников и служащих с результативностью проводимых реформ. Весьма характерен в этом отношении проект увеличения содержания чинам судебного ведомства. В его обосновании подчеркивалось, что только достаточное материальное вознаграждение может обеспечить правильную постановку судопроизводства, гарантировать независимость и объективность судебных решений, привлечение в ряды судебного ведомства высокопрофессиональных и честных работников, что имело особое значение в условиях роста гражданского самосознания населения, повышения роли суда в контексте становления гражданского общества и правового государства.

Цель социальной политики П.А. Столыпина — формирование полноценного партнерства между работником и работодателем в рамках складывавшегося правового пространства, где были бы четко обозначены прерогативы и обязанности обеих сторон. Иными словами, правительство создавало условия для диалога между людьми, занятыми в общем деле производства, но

зачастую говорившими на «разных языках». Реформы были тесно увязаны с развитием личности, с преобразованиями экономики и государственного управления, более того, они были направлены на синхронизацию этих процессов. Столыпин старался соблюсти баланс между укреплением предприятий, повышением производительности труда и защищенностью рабочих. Основанием всего социального законодательства было четкое определение прав субъектов, возникавших вместе с обязанностями.

Образование, наука и культура

Системная модернизация без приобщения большинства населения к хотя бы элементарным знаниям о мире была невозможна. Поэтому одно из важнейших направлений реформ П.А. Столыпина — расширение и совершенствование системы образования. Столыпин хорошо сознавал тесную зависимость экономического и политического развития страны от уровня просвещения и профессиональной подготовки населения. Еще работая в Гродно, он наставлял местных помещиков-«зубров»: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии». Возглавив правительство, Столыпин планировал совместно с общественными учреждениями (земствами и городскими управами) создать единую и общедоступную образовательную сеть, включающую начальное, среднее и высшее образование. При этом подчеркивалась мысль о необходимости именно «законченного круга знаний» на каждой ступени образовательного цикла.

Так, в Министерстве народного просвещения был разработан законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», согласно которому предполагалось обеспечить элементарным образованием детей обоего пола. Правительство разрабатывало меры, направленные на формирование единой системы педагогических учреждений, когда бы гимназии служили ее системообразующим элементом, а не обособленным элитарным заведением. Широкомасштабные проекты в области народного просвещения требовали новых кадров преподавателей. Для этого планировалось создать специальные курсы для будущих учителей и учительниц, в Ярославле же правительство инициировало создание Учительского института. Государство не жалело средств на переподготовку преподавателей средних школ, планировало организовывать их ознакомительные поездки за границу. В период столыпинских реформ ассигнования на нужды начального образования выросли почти в четыре раза: с 9 млн до 35,5 млн руб.

Предполагалось реформировать и систему высшего образования. Так, правительством был разработан новый Университетский устав, предоставлявший высшей школе широкую автономию: возможность выбора ректора, значительная сфера компетенции Совета университета и т. д. Вместе с тем, устанавливались четкие правила функционирования

студенческих объединений и организаций, что должно было способствовать сохранению здоровой академической обстановки в стенах учебных заведений. Правительство считало необходимым привлечь общественность к делу развития образования. Именно в годы столыпинских преобразований были разработаны положения о негосударственных Московском археологическом институте, Московском коммерческом институте, Народном университете имени А.Л. Шанявского.

Столыпин полагал, что правильно поставленное образование должно оградить высшую школу, студенчество от увлечения разрушительными идеями. Он писал: «Аккомодация к общественному мнению, к настроению в деле народного просвещения была бы самым тривиальным и бесплодным оппортунизмом. И в этом деле надо путь держать по звездам, а не по блуждающим огням! А руководствуемся мы с вами, я полагаю, тем же созвездием. Я видел развал школы, я знаю русского революционера, благодушного неуча, думающего достигнуть высшего совершенства, взамен длинного и торного пути воспитания ума и воли, одним скачком… с бомбою в руках по направлению к власти! И я думаю, я убежден, что спасти нашу молодежь, а следовательно, и Россию, может только реформа школы, последовательная и, может быть, суровая, как сама логика».

При этом развитие системы образования понималось П.А. Столыпиным в «связке» с ростом научного знания и накопления культурных богатств. В годы реформ правительство активно финансировало фундаментальные исследования, научные экспедиции, академические издания, реставрационные работы, театральные коллективы, развитие кинематографа и т. д. В период премьерства П.А. Столыпина было подготовлено детально разработанное «Положение об охране древностей»; было принято решение о создании Пушкинского дома в Санкт-Петербурге; были поддержаны многие проекты по организации музеев в различных частях империи.

Правительство создавало благоприятную среду для дальнейшего поступательного развития русской культуры и приобщения к ней все большего числа граждан России. По сути дела, так реализовывалось право человека на достойную жизнь, подразумевавшую возможность получения качественного образования и приобщения к культурным богатствам страны.

Военная реформа

Поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. наглядно продемонстрировало необходимость скорейших преобразований в армии. Можно выделить три направления военной политики: упорядочение принципов комплектования вооруженных сил, их перевооружение, строительство необходимой инфраструктуры. В годы столыпинских реформ был разработан новый Воинский устав, четко определявший порядок призыва в армию, права и обязанности призывных комиссий, льготы по отбыванию воинской повинности и, наконец, возможности обжалования решений властей. Иными словами, правительство стремилось «вписать» отношения между гражданином и вооруженными силами в правовое пространство Российской империи.

Государство увеличивало ассигнования как на содержание офицерского корпуса, так и на переоснащение армии. При прокладке новых железнодорожных путей также учитывались военно-стратегические интересы государства. В частности, второй путь Сибирской магистрали, Амурская железная дорога должны были облегчить мобилизацию и переброску сил из различных частей империи и, соответственно, саму оборону дальневосточных окраин России.

Столыпин являлся категорическим противником силовых методов разрешения внешнеполитических конфликтов. Потрясенный бессмысленностью войны с Японией, он говорил: «Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом». Вместе с тем Столыпин выступал последовательным сторонником укрепления военно-стратегической мощи России. Это можно было достичь лишь при принципиально новом подходе к проблеме формировании армии, которое не должно было подрывать социально-экономическое развитие страны. По инициативе Думы межведомственной комиссией, образованной при Военном министерстве, была произведена переработка устава о воинской повинности. В нем четко прописывались льготы по отбыванию воинской повинности для различных категорий призывников, круг функций и компетенций призывных комиссий и система обжалования их решений, определение срока службы и родов войск, меры ответственности призывника от уклонения от призыва в армию и т. д.

В частности, от воинской повинности освобождались 7 категорий граждан, в первую очередь духовенство и ученые. Отсрочки предоставлялись по имущественному положению, для

окончания образования, вследствие нахождения на службе по договору на судах торгового флота и по семейному положению. Вместе с тем, отправлялись служить не все, подлежащие призыву; производился набор заранее планируемого количества солдат. Поскольку это количество было заведомо меньше круга лиц, которых можно было призвать, устанавливалась детально прописанная процедура жеребьевки.

Говоря о действиях, предпринятых Столыпиным по обеспечению обороны государства, нельзя обойти вниманием вопрос о флоте. Россия после Цусимы оказалась на море практически безоружна, и нашлось много желающих заявить, что флот стране не нужен — его создание и развитие требует весьма значительных ассигнований, а потерять его можно мгновенно. Выступая в Думе, Столыпин призвал слушателей «забыть ту жгучую боль, которую испытывает каждый русский, когда касается вопроса о русском флоте», и понять, что «только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять». В Главном морском штабе были разработаны так называемые большая и малая судостроительные программы.

Несмотря на то, что сильная, укомплектованная по понятным принципам армия была необходима государству для защиты внешних границ, она являлась и мощнейшим социальным фактором. Говоря о флоте, Столыпин напоминал, что в действительности речь идет о живых людях, связавших с морем свою судьбу. Предложенные Столыпиным меры позволяли достичь большей справедливости при наборе в армию, уменьшить произвол государственных органов, комплектовать войска, не сдавая при этом позиции в других отраслях экономики.

Это было время, когда вся Европа жила в ожидании скорой большой войны. Уже сложилась блоковая система, Россия в ее формировании принимала самое активное участие. Однако П.А. Столыпин был принципиальным противником втягивания страны в мировую войну, считая, что для отечественной экономики, вооруженных сил, социальной структуры это будет невыносимой нагрузкой. Именно поэтому он предпринял исключительные усилия для того, чтобы Боснийский кризис 1908 г. не перерос в вооруженное столкновение. П.А. Столыпин прекрасно осознавал, что проводимые им системные преобразования могли дать свои плоды лишь через определенный период мирного поступательного развития.

Конкуренты России на международной арене, осознавая масштаб личности Столыпина, связывали перспективы внешнеполитического курса империи с теми тектоническими

внутренними изменениями, которые она переживала в 1906–1911 гг. Показателен следующий случай. В мае 1908 г. Столыпин выехал инкогнито в Берлин, где в то время проживала его дочь. Затем он планировал провести 2 месяца на яхте, блуждая по скандинавским шхерам. Об этом никто не должен был знать, однако каким-то образом информация дошла до кайзера Германии Вильгельма II. Он давно хотел познакомиться с премьером России и отправился на личной яхте вдогонку за ним. Столыпин не желал нарушать инкогнито, но кайзер был настойчив. Едва яхта Николая II «Алмаз», на которой путешествовал Столыпин, бросала якорь, на горизонте появлялся штандарт немецкого императора. Несколько дней продолжалось такое преследование, но каждый раз русский премьер оказывался неуловимым. Их встреча состоялась через год в официальной обстановке в присутствии Николая II и его семьи. За завтраком кайзер сидел между императрицей Александрой Федоровной и Столыпиным. По воспоминаниям зятя Столыпина, кайзер «не сказал ни слова с императрицей и весь как бы впился в Петра Аркадьевича, засыпая его вопросами и боясь проронить хотя бы одно сказанное им слово». Чуть позже он сказал: «Необычайно счастливый день. Наконец я узнал Столыпина. Если бы у меня был такой министр, как он, я бы показал, что из себя представляет Германия… К сожалению, второго такого человека не найти».

Противодействие терроризму

В годы Первой русской революции правительство в значительной мере утратило контроль за правопорядком в стране. Россию захлестнул вал революционного террора, жертвами которого стали более 18 тыс. человек (из них более 10 тыс. погибших). Большинство пострадавших — мирные обыватели. Самому Столыпину приходилось действовать в обстановке постоянной террористической угрозы. Двое из его недавних предшественников — Сипягин и Плеве — были убиты террористами. Сам П.А. Столыпин подвергался неоднократным покушениям. С.Е. Крыжановский вспоминал, что раз в неделю, по старой губернаторской привычке Столыпин принимал всех желавших представиться по делам службы. При таком подходе к делу охрана не могла гарантировать безопасность премьера, поэтому Столыпина неоднократно убеждали прекратить приемы, «к тому же совершенно бесцельные, т. к. большинство посетителей являлись не по делу, а для того лишь, чтобы показаться на глаза и обратить на себя внимание». Столыпин же не соглашался, утверждая, что отмена приемов может произвести неблагоприятное впечатление в обществе. 12 августа 1906 г. Столыпин вел очередной прием на казенной даче на Аптекарском острове. В здании было множество людей, ожидавших встречи с председателем Совета министров. Из подъехавшего ландо вышли двое жандармских офицеров и направились в здание. Бдительный швейцар заметил несоответствия в их форменной одежде и сделал попытку их остановить. Переодетые террористы бросили в приемную портфель со взрывчаткой. Никого из непосредственных свидетелей этой сцены в живых не осталось. Например, швейцара, по воспоминаниям С.Е. Крыжановского, «разорвало на клочки и кисть его руки на другой день была найдена в саду, шагах в ста от дачи». Итог теракта — 27 убитых и 32 раненых. Среди раненых были и дети Столыпина — дочь и сын. От приемной остались руины, залитые кровью. К счастью, председатель Совета министров находился на втором этаже. Лишь чернильница взрывной волной была поднята с его стола, чернила расплескались по одежде реформатора.

«Рядом с кабинетом, в гостиной были разрушены стены и потолок, не уцелело буквально ни одной вещи… Один из спасенных представлявшихся рассказывал впоследствии: за минуту до взрыва он подошел в приемной к знакомому губернатору и только начал с ним говорить, как увидел своего собеседника без головы», — вспоминала дочь Столыпина Мария.

С.Е. Крыжановский рисует картину полного разрушения: «метались и дыбились лошади, мостовая была усеяна осколками и обломками. У подъезда волчком вертелся обезумевший от боли городовой; у него был вырван глаз и кровь била фонтаном. Тут же торчали из пола две ноги в сапогах со шпорами и в жандармских рейтузах… туловища при них не было. Это был один из злоумышленников, разорванный бомбой».

Многие часы Столыпин проводил в больнице рядом с детьми. Сын был ранен в голову. Стоял вопрос об ампутации ног 15-летней дочери Наталье. Лишь благодаря исключительному стечению обстоятельств этого удалось избежать. Даже в эти дни Столыпин не снижал интенсивности своей государственной деятельности. Председательствовал на заседаниях Совета министров, был на приеме у императора, сам принимал чиновников, общественных деятелей, представителей дипломатического корпуса. Император предложил выплатить субсидию семье Столыпина, однако премьер отказался, сказав, что «кровью своих детей не торгует».

Впоследствии выяснилось, что П.А. Столыпин накануне взрыва получил два предостережения из Твери о готовящемся покушении: письмо и телеграмму, но намеренно не обратил на них внимания и, никому ничего не сказав, спрятал их в стол. Было и другое странное обстоятельство, которому суеверные люди придавали особое значение. Рядом с дачей премьера была небольшая площадь, на которой стояла церковь. По воспоминаниям С.Е. Крыжановского, «незадолго до взрыва на площади из-под земли стали раздаваться какие-то странные звуки, словно стоны; казалось, что жалобно и тяжко стонала сама земля. Это повторялось в течение очень многих дней, примерно в одни и те же часы. Призвали полицию, архитектора, обследовали самым тщательным образом подвалы при церкви, вскрывали сточные трубы, зондировали почву на площади и в прилегающих дворах, но ничего не обнаружили… Так продолжалось до взрыва 12 августа, после чего звуки вдруг прекратились, быть может, от сотрясения почвы».

Смертельно опасной была работа не только премьер-министра, но и любая государственная служба, связанная с ношением формы. По всей стране гремели взрывы, звучали выстрелы, тысячи людей гибли в этой необъявленной войне. Дабы обеспечить безопасность населения, власть была вынуждена пойти на беспрецедентно жесткие меры. 19 августа 1906 г. по инициативе Николая II были учреждены военнополевые суды, которые рассматривали дела в ускоренном порядке — за 48 часов; приговор же должен был приводиться в исполнение через

24 часа после его вынесения. В сфере компетенции военно-полевого суда находились те случаи, когда виновный был пойман с поличным и его действия были направлены против представителя власти. В работе этих судов не принимали участие ни прокуроры, ни адвокаты, ни свидетели обвинения. В апреле 1907 г. военно-полевые суды были упразднены. За восемь месяцев их существования было казнено 683 человека. При этом в губерниях, находившихся на чрезвычайной или усиленной охране, продолжали действовать военно-окружные суды, предполагавшие упрощенное судопроизводство. Всего в России по решениям военно-полевых и военно-окружных судов в 1906–1911 гг. было казнено около 2,8 тыс. чел.

Эти меры оценивались П.А. Столыпиным как чрезвычайные, необходимые для спасения государственности. Столыпин глубоко переживал необходимость их принятия. Их целесообразность и вынужденный характер он неоднократно обосновывал в своих выступлениях, постоянно подчеркивая: революционные беспорядки — это болезнь государства; чтобы его вылечить, необходимо решительно уничтожить очаг заболевания, иначе больной стране грозит гибель, т. е. распад.

Характерно высказывание Столыпина о том, что в экстремальной ситуации, ведущей к хаосу и непосредственно к распаду государства, исполнительная власть не только может, но и обязана использовать все меры, в том числе внеправового характера, чтобы сохранить единство и целостность страны. Ссылаясь на исторические прецеденты, имевшие место в западноевропейских странах, Столыпин не отрицал возможности установлении в России временной диктатуры, которая, по его словам, «иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения». Так, в своей речи в Государственной думе 13 марта 1907 г. он заявил: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между цельностью теорий и цельностью отечества». Однако, считал он, такого рода «временные меры» не должны «приобретать постоянного характера», ибо когда «они становятся длительными, то теряют свою силу, а затем могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом». Он также считал важным установить жесткие правовые рамки использования исключительных полномочий местной администрацией, чтобы уберечь население от возможного произвола и злоупотребления властью. Правительством был подготовлен «Проект исключительного положения», прописывавший четкие критерии, согласно которым та или иная губерния объявлялась в

чрезвычайном положении. Кроме того, в документе был сделан акцент на предупредительных, а не репрессивных мерах властей. Предполагалось реформировать органы правопорядка. Так, был разработан Устав полицейский, который определял процедуру полицейского контроля, что должно было обезопасить гражданина от незаконных посягательств на неприкосновенность его личности. Правительство также стремилось к установлению ответственности бюрократических учреждений, если их решения неоправданно ущемляли интересы населения.

За годы премьерства П.А. Столыпина масштабы революционного террора заметно уменьшились. Напрягая всю свою волю, пренебрегая грозящей лично ему каждодневной опасностью быть убитым террористами, Столыпин, по мере возможности совершенствуя и концентрируя усилия своего силового ведомства, все же успешно решил проблему, которую Николай II поставил перед его назначением на пост министра внутренних дел. Ему удалось подавить основные очаги революции, уничтожить террористические и экспроприаторские группы. Отчасти это было связано с репрессивной политикой. Однако в большей степени это было предопределено системностью подхода и планомерностью политики правительства. Власть искала диалог с обществом, решала наиболее острые проблемы социального бытия России — и тем самым подрывала социальную базу революции и лишала террор какого-либо оправдания в глазах общественности.

Технология реализации преобразований

Столыпину приходилось реализовывать свою программу в условиях острого социального конфликта. Правительство осознавало, что проведение широкомасштабных преобразований возможно лишь при условии широкого общественного консенсуса. Для его достижения оно было готово к диалогу со всеми рационально мыслящими общественными силами. Программа реализовывалась в форме конкретных законодательных инициатив. Их правительство выносило на обсуждение как представительных учреждений, так и различных общественных кругов: дворянских собраний, предпринимательских союзов, деятелей местного самоуправления, ближайшего окружения императора. Сам Столыпин неоднократно встречался с членами Государственной думы и Государственного совета, выступал на пленарных заседаниях палат, убеждал императора в необходимости принятия того или иного решения. По словам одного из его сотрудников, министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, «вопреки нашим русским нравам, Петр Аркадьевич очень ценил время, не только свое, но и чужое — он никогда не заставлял ждать. Явившись к нему в назначенный час, можно было с уверенностью рассчитывать на скорый прием и, если предыдущий посетитель задерживался на лишние 15–20 минут, то Петр Аркадьевич всегда сконфуженно извинялся, объясняя причину задержки… Петр Аркадьевич слушал всегда с полным вниманием, иногда просил дополнительных объяснений и затем принимал определенное решение».

Премьер-министр стал инициатором созыва Совета по делам местного хозяйства, в котором выборные представители органов местного самоуправления вели диалог с чиновниками министерства об общем правительственном курсе, касающемся земств и городов (на примере конкретных законопроектов).

Конечно, Столыпин отдавал себе отчет в том, что успех политики преобразований зависит от отношения к нему Николая II. Будучи убежденным сторонником монархии, впитавший в себя многовековые семейные традиции долга и преданности верховной власти, совпадающие в его представлении с преданным служением самому государству, Столыпин был искренне убежден в том, что царь, созывая народное представительство, готов пойти на диалог с обществом и совместно с ним разрешать острые социальные конфликты. В первое время Николай II был очень доволен Столыпиным. Так, в письме к матери, вдовствующей

императрице Марии Федоровне, он писал: «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю». Об интенсивности встреч с премьер-министром свидетельствует дневник Николая II. Он принимал Столыпина соответственно: в 1906 г. — 34, в 1907 г. — 44, в 1908 г. — 29, в 1909 г. — 23, в 1910 г. — 23, в 1911 г. — 17 раз.

Много лет спустя сын П.А. Столыпина Аркадий вспоминал: «Раз в неделю, а то и чаще, отец вечером отправлялся на катере в Петергоф с очередным докладом государю. Мы — дети — сопровождали его порой до дворцовой пристани. Один из чиновников нес его тяжелый портфель. Тяжел он был потому, что с одной из двух сторон он был забронирован и мог служить щитом. Предосторожность, которая тогда оказалась излишней. Насколько я помню, покушений за елагинское время не было. Возвращался отец из Петергофа поздно, и мы на пристани его не встречали. Несколько раз петергофское бдение затягивалось на всю ночь. Однажды государь вызвал в три часа утра дежурного камердинера. «Мы проголодались, — сказал он. — Пожалуйста, принесите нам пива и сандвичи с ветчиной и сыром: по три штуки для Петра Аркадьевича и по три штуки для меня». Когда нам это рассказала мать, я подумал, что государь скуповат: мог бы предложить более обильное угощение. И в самом деле царь и премьер-министр закусывали ночью по-студенчески».

Время наиболее частых встреч падает на 1906–1907 гг., когда одновременно решались две органически переплетенные друг с другом проблемы: подавление революции и проведение реформ. После решения отрицательной задачи — подавления революции — число встреч сокращается, и это становится уже устойчивой тенденцией.

Столыпин со временем стал понимать, что царь пошел на реформу политической системы не по своим внутренним убеждениям, а под давлением революции, что его представления ориентированы не в будущее, а в прошлое, что он не намерен развивать и углублять идеи, заложенные в Манифесте 17 октября 1905 г., и конструктивно сотрудничать с Государственной думой. Тем не менее, вплоть до 1909 г. Николай II безоговорочно поддерживал Столыпина в его реформаторских начинаниях. Однако возникшие между ними расхождения постепенно стали приводить к «сбою» реформ.

Николай II был весьма сложной и противоречивой фигурой, зачастую действовал под давлением внешних влияний, которые могли идти от самых разных источников. В зависимости от колебаний в ближайшем окружении императора менялось не только настроение царя, но и происходило смещение

приоритетов в его «широком» и весьма расплывчатом мировоззрении. Николай II не видел себе достойного места в системе либеральных правовых и институциональных ценностных координат, предпочитая править страной «как встарь». После инцидента с неутверждением Николаем II правительственного законопроекта о штатах Морского Генерального штаба в отношения между царем и Столыпиным вкралось некоторое недопонимание. Николаю II явно не понравилась самостоятельная позиция премьер-министра, который решил уйти в отставку. В письме к Столыпину 25 апреля 1909 г. Николай II впервые «указал премьеру его место»: «О доверии или недоверии речи быть не может. Такова моя воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии, и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке… Предупреждаю, что я категорически отвергаю вперед Вашу или кого-либо другого просьбу об увольнении от должности».

Столыпин пытался, как мог, препятствовать правоконсервативным силам «свернуть» реформаторский курс. Однако после парламентского кризиса марта 1911 г., когда Столыпин вновь демонстративно подал в отставку и по существу вынудил царя принять свой ультиматум, его отношения с Николаем II дали уже очевидную «трещину».

Непросто складывались отношения Столыпина и с правомонархическими кругами, близкими к Союзу русского народа. Хотя они и получали финансовую поддержку от правительства, взаимное сближение практически исключалось. Они отрицательно относились к попыткам Столыпина сформировать гражданское общество и правовое государство, ликвидировать сословные перегородки, создать новый средний класс, преобразовать церковный приход, ввести всеобщее начальное образование. Сходную позицию занимала и ведущая организация — Постоянный Совет съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ, а также некоторые иерархи Православной церкви, обвинявшие Столыпина в попытках подорвать ее господствующее положение.

По-разному восприняли назначение Столыпина на пост министра внутренних дел либеральные и леворадикальные общественные и политические круги. В глазах леворадикальной общественности бывший саратовский губернатор уже давно представал в образе «душителя революции», «реакционера» и «погромщика», «крепостника-помещика» и «махрового националиста», с которым следует продолжать вести беспощадную борьбу вплоть до его физического уничтожения путем организации террористических актов.

П.А. Столыпину и его семье постоянно угрожала опасность. 18 августа 1906 г., после взрыва на Аптекарском острове, по приглашению царя в целях обеспечения безопасности глава правительства переехал вместе с семьей в Зимний дворец. Здесь он полностью утратил свободу передвижения. Каждое свое действие он должен был согласовывать со своей охраной, маршруты, которыми он двигался по столице, держались в строгом секрете.

Столыпин ежедневно прогуливался на свежем воздухе, однако часто прогулки приходилось совершать на крыше Зимнего. В иных случаях из двора выезжало несколько одинаковых карет, которые разъезжались в разных направлениях, в одной из них Столыпина доставляли за город для прогулки. При этом он сам не знал своего маршрута. Премьер часто носил под рубашкой кольчугу, в том числе он одевал ее и перед выступлениями в Думе. В портфеле он носил стальной лист, который мог послужить броней при покушении.

При этом на посту председателя правительства Столыпин, как и в прежнее время, продолжал демонстрировать личное мужество. В 1910 году он присутствовал на демонстрационных полетах биплана, сам занял место второго пилота и провел в воздухе 5 мин. 20 сек. За штурвалом биплана находился летчик М.Л. Мациевич, член партии эсеров, имевшей террористическое крыло. Показательно, что Столыпин знал о партийной принадлежности летчика и получал из различных источников информацию о возможном теракте. Тем не менее, полет прошел благополучно. А через несколько дней Мациевич разбился при выполнении очередного демонстрационного полета. Ходили слухи, что товарищи по партии не смогли простить ему упущенной возможности покончить с П.А. Столыпиным.

Однако не только левые радикалы чувствовали угрозу в проведении курса столыпинских преобразований. Либералы консервативного толка допускали возможность вступить с ним в диалог и лишь после прояснения его политических позиций принимать то или иное решение. Но левое крыло либеральной оппозиции с самого начала отнеслось к Столыпину с явным недоверием, считая столыпинские реформы тактическими уловками или полумерами и настаивая на необходимости демонтировать всю сложившуюся политическую систему. При этом, они также не отрицали возможности диалога с правительством по широкому кругу текущих и перспективных проблем. Кроме того, сказывалось и традиционное для российской интеллигенции неприятие государственной власти как таковой. Так, например, Л.Н.Толстой в своих письмах в

Столыпину подверг резкой критике не только введение военно-полевых судов, земельную реформу, но и весь внутриполитический правительственный курс. В конечном счете эта полемика привела к разрыву многолетних отношений семейств Столыпина и Толстого.

Земские деятели, представлявшие преимущественно крупное землевладение, боялись утратить власть на местах и сопряженный с ней высокий социальный статус. Ликвидация старых сословных институтов (волостного суда, уездных предводителей дворянства, земских начальников) перекрывала каналы монопольного влияния поместного дворянства на все сферы местной жизни. Недаром уже в конце 1907 — начале 1908 г. поместное дворянство начало фронтальное наступление на Столыпина.

В свою очередь, крупную торговопромышленную буржуазию, привыкшую получать дотации из казны, «сверхприбыль» от реализации своей продукции, не устраивала попытка Столыпина переложить на нее определенную часть финансовых издержек, в частности, в ходе реализации пакета социальных реформ. Представители торговопромышленной буржуазии в Государственной думе, пользуясь поддержкой разного рода монопольных группировок и корпораций, блокировали принятие в Думе социальных рабочих проектов.

После издания в одностороннем порядке по 87 ст. нового избирательного закона 3 июня 1907 г. премьер фактически отрезал себе путь для сотрудничества с либеральной оппозицией, сделав ставку на консервативнолиберальные круги общества, прежде всего в лице думских фракций октябристов и умеренных националистов. Третьиюньская избирательная система предусматривала создание в III Думе многолетнего «октябристского центра», с помощью которого Столыпин и рассчитывал ускорить прохождение правительственных законопроектов через представительные учреждения. Лидер партии «Союз 17 октября» и ее думской фракции А.И.Гучков, питавший личную симпатию к премьеру, высоко ценивший его государственный ум и непреклонную волю, вплоть до марта 1911 г. оказывал Столыпину неизменную поддержку. После «мартовского инцидента», связанного с вопросом о введении земства в западных губерниях, отношения между октябристами и Столыпиным испортились, и премьер попытался привлечь на свою сторону группу умеренных националистов.

Итак, деятельность Столыпина на посту министра внутренних дел протекала в условиях острой борьбы между сторонниками самых разных моделей преобразования страны. Премьер-министр,

умело использовавший предшествующий опыт деятельности на постах предводителя дворянства и губернатора, выработал собственную политическую линию и планомерно проводил ее в жизнь.

Вместе с тем, у Столыпина были трудности и «внутреннего» порядка. Помимо объективных факторов, оказывавших тормозящее влияние на проведение столыпинских преобразований, имели место определенные технологические просчеты. Несмотря на неоднократные и настойчивые попытки добиться единства действий министерств и ведомств в реализации реформистского курса, Столыпину так и не удалось преодолеть «разнобой» в действиях их руководителей, которые к тому же не всегда разделяли до конца позицию премьера. Имея, как известно, право личного доклада царю, отдельные министры располагали вполне реальными возможностями тормозить реформы. С.И. Тимашев вспоминал: «Если П.А. Столыпину удалось объединить правительство в высшей инстанции — Совете министров, то существовавшее издавна соперничество и прения низших ведомственных инстанций между собой этим не устранялись. А в них и коренилось то великое зло, которое всегда мешало правильному ходу государственного механизма, делая его наименее продуктивным при наибольшей затрате сил и энергии». Не была до конца преодолена и асинхронность в ходе разработки в министерствах и ведомствах законопроектов и представления их на обсуждение в Совет министров и в Думу, что приводило к тому, что действительно крупные проекты «тонули» в так называемой законодательной «вермишели».

Столыпину пришлось столкнуться с такими трудностями, как финансовое и кадровое обеспечение реформ. Несмотря на динамичный рост доходов государственного бюджета, все же ощущалась нехватка средств для проведения именно крупномасштабных преобразований, которые должны были реализовываться фактически одновременно, ибо были логически увязаны в единую «цепочку» друг с другом. Огромные ассигнования (3,5 млрд руб.) шли на реорганизацию армии и флота, «пожирая» значительную долю всех бюджетных средств. Пришлось буквально «с колес» решать и кадровую проблему.

Думается, Столыпиным не в полной мере использовались средства массовой информации для доведения до широкой общественности замысла правительственного курса. Хотя правительственная пресса вела пропаганду реформ, разъясняла их содержание и направленность, однако совокупные усилия были все же малоэффективны. Информация не всегда оперативно доходила до общества и особенно — до широких масс населения.

В условиях масштабных преобразований требовались нестандартные пропагандистские ходы, учитывающие то обстоятельство, что значительная часть населения (особенно в деревне) была неграмотна. Однако «подлежащие ведомства» не утруждали себя продумыванием методики всестороннего идеологического обеспечения программы преобразований.

Будучи выходцем из высших кругов российского общества, Столыпин, хотя и прослужил много лет уездным и губернским предводителем дворянства в западных губерниях, а затем сравнительно короткий срок в должности саратовского губернатора, не до конца учитывал адаптационные возможности широких масс к глобальным преобразованиям, инертность массового сознания. Традиционному массовому сознанию гораздо ближе были эмоциональные популистские лозунги леворадикальных партий. Многие люди не могли в полной мере понять, что столыпинские реформы, рассчитанные на длительный переходный период, не могут дать сиюминутного эффекта в плане улучшения жизни. «Это неуравновешенные массы, которые приводят в беспорядочное движение еще бессознательные силы. Вместо разрешения текущих задач — проповедуется покушение на человеческую жизнь и законы. Анархисты бросают бомбы, конституционные демократы призывают население к отказу от рекрутского набора и уплаты налогов, черная сотня участвует в погромах, массовых избиениях евреев… Что может сделать правительство с такими господами?»

Таким образом, оставаясь государственно мыслящим и ответственным политиком, Столыпин, в отличие от лидеров леворадикальных партий, отвергал демагогию и популизм, сознавая эфемерность, а главное — аморальность беспочвенных, объективно не обеспеченных, обещаний.

Результаты

Вопреки всем трудностям, возникшим на пути столыпинских реформ в 1906–1911 гг., Россия сделала качественный скачок в своем развитии. Буквально во всех сферах жизни — материальной, культурной и духовной — стали просматриваться контуры нового облика страны, которая с каждым новым годом набирала темпы роста, крепла и преображалась. Об этом убедительно свидетельствуют материалы отечественной статистики и экспертные оценки зарубежных специалистов, зачастивших в Россию с целью осмыслить происходящее в ней и предлагавших своим правительствам отнестись с вниманием к «новостроящейся» стране.

В годы столыпинских реформ продолжала динамично расти численность населения: 1909 г. — 160 млн чел., 1910 г. — 163, 7 млн чел., 1911 г. — 167 млн чел., 1912 г. — 171 млн чел., 1913 г. — 174 млн чел., 1914 г. — 178,3 млн чел. В городах проживало 15 %, а в сельской местности — 85 % населения.

За пять лет пребывания на посту премьер-министра Столыпину удалось вывести Россию из кризиса, преодолеть период экономической депрессии и войти в длительный цикл устойчивого экономического роста. Перед Первой мировой войной Россия по темпам экономического роста вышла на первое место в мире. Так, приток инвестиций в промышленность возрос на 1,5 млрд рублей. Прирост народного богатства в 1911–1913 гг. составил в среднем в год 3331,4 млн руб. или 5,2 %. Заслуживает внимания динамика роста стоимости основных фондов, которые в 1908–1913 гг. выросли соответственно: в промышленности на 41 %, на железнодорожном транспорте — на 18,6 %, в торговле — на 31,3 % в жилищном строительстве — на 26 %, в сельском хозяйстве — на 10,3 %. Причем эти фонды в городах возросли в среднем на 31 %, а на селе — 20,8 %. В 1909–1913 гг. объем промышленного производства вырос почти в 1,5 раза. При этом тяжелая промышленность по темпам роста превосходила легкую: соответственно 174,5 % против 137,7 %. Доля России в мировом промышленном производстве с 1900 по 1913 г. выросла на 5,3 %.

Благодаря реализации столыпинской аграрной реформы быстрыми темпами росло производство сельскохозяйственной продукции. Причем это происходило не только за счет расширения площади сельскохозяйственных угодий, но прежде всего за счет перехода крестьян на новые рациональные формы и методы хозяйствования.

На протяжении 1906–1913 гг. сохранялась устойчивая

тенденция ускорения выхода крестьян из общины и укрепления земли в личную собственность. За 1907–1911 гг. в среднем по России о своем желании выделиться из общины заявляло 76 798 домохозяев в год, а в 1912–1913 гг. — 160 952, т. е. в 2,09 раза больше.

К началу 1914 г. общая площадь, охваченная землеустройством, составила 25 млн дес. и превысила территорию Англии и Бельгии вместе взятых. В ходе землеустройства в 1907–1913 гг. изменить условия землепользования пожелало почти 5 млн домохозяев, т. е. почти $^2/_5$ всех крестьянских дворов 47 губерний Европейской России. Если же сравнить данные за 1912–1913 гг. и 1907–1911 гг., то об изменении условий землепользования в среднем за год по стране во второй период ходатайствовало в 1,77 раза больше, чем в первый. Причем единоличных ходатайств было подано 2 433 764, т. е. 49 % всех ходатайств вообще, а групповых — 2 531 680, или 51 % соответственно.

Принципиально важной представляется тенденция к выделению именно отдельных домохозяев. За 1907–1913 гг. было подано 706 792 таких ходатайств, из них в 1907–1911 гг. — 384 888 (54,6 % от общего числа) и 321 904 — в 1912–1913 гг. (45,5 % соответственно). Всего за 1907–1913 гг. было утверждено 235 351 проектов, из них 123 486 — в 1907–1911 гг., т. е. 52,5 % от общего числа, а 1912–1913 гг. — 111 865, или 47,5 %. При этом в первый период в среднем в год утверждалось 24 697 проектов, а во второй период — 55 932, т. е. в 2,26 раза больше.

Для того, чтобы изменить жизнь русской деревни, правительство Столыпина использовало все имевшиеся у него ресурсы, начиная от передачи казенных, удельных и кабинетских земель Крестьянскому банку для продажи, и до разного рода кредитных вливаний в сельское хозяйство, в том числе и на поддержку крестьянина-собственника. В течение 1906–1915 гг. из земельного запаса Крестьянского банка было продано крестьянам 3738,2 тыс. дес. земли (1 десятина = 1,1 га). При этом хуторяне приобрели 980,9 тыс. дес. (23,8 %), отрубники — 2258,1 тыс. дес. (54,9 %), сельские общества и товарищества — 682,1 тыс. дес. (16,6 %). Средний размер хуторского владения составил 18,8 дес., а отрубного — 17,6 дес.

Правительство ввело для хуторян дополнительные льготы: ссуда им выдавалась на полную стоимость земли; отрубники должны были вносить сразу лишь 5 % наличными, а товарищества — 20 %. При отсутствии у покупателей свободных денег для немедленного внесения задатка Крестьянский банк сдавал ему участок в аренду сроком до 3-х лет. Кроме выдачи

ссуд на покупку земли из своих запасов, Крестьянский банк выдавал ссуды на покупку земли по сделкам, заключенным крестьянами при его участии; ссуды под залог земель, ранее купленных крестьянами без участия банка; ссуды под залог надельных земель. Банк также оказывал содействие в разбивке продаваемой частным собственникам земли на единоличные участки. С 1909 по 1915 г. банковские служащие произвели нарезку 667 имений на хутора и отруба, на их площади было образовано 7712 хуторов общей площадью 112,2 тыс. дес. и 14 327 отрубов общей площадью 120,7 тыс. десятин.

Правительство оказало финансовую поддержку переселенцам за Урал. В 1906–1914 гг. желавших попытать свое счастье за Уралом оказалось 3 772 151 человек. Несмотря на то, что за это же время возвратилось 1 026 072 человека (27,2 %), за Уралом осталось более 70 % переселенцев, которые, по выражению Столыпина, стали подлинными «русскими пионерами», начавшими осваивать огромные земельные пространства Сибири и Дальнего Востока, создавать, развивать и благоустраивать свое частное хозяйство.

Идя навстречу потребностям рационализации частного крестьянского хозяйства, правительство за семь лет земельной реформы подготовило в специальных землемерных училищах до 6500 землеустроителей. На агрономическую помощь населению и распространение сельскохозяйственного образования правительство в 1908–1912 гг. увеличило ассигнования с 5702 тыс. руб. до 21 880 тыс. рублей. Правительство отпускало льготные ссуды для покупки сельскохозяйственной техники, удобрений, новейших сортов семян и племенного скота, проводило обучение желающих ведению образцового хозяйства, финансировало выезды крестьянских групп за границу для обмена опытом.

Если даже принять во внимание благоприятную экономическую конъюнктуру (ряд урожайных лет, отмену выкупных платежей, рост цен на сельскохозяйственную продукцию), нельзя не признать, что рост объема сельскохозяйственного производства, его товарности, урожайности, а также масштабы использования сельскохозяйственных машин, применения искусственных удобрений, распространения многопольной системы, проведения мелиоративных работ — значительно опережали темпы предшествовавшего столыпинским аграрным реформам периода. Совместными усилиями правительства и земских организаций было открыто свыше 300 новых сельскохозяйственных учебных заведений, более 1000 курсов, в 20 тыс. пунктах проводилось

чтение лекций, беседы по разным вопросам сельского хозяйства. Потребление сельскохозяйственных машин и орудий на десятину посева в 1906–1910 гг., по сравнению с 1901 г., возросло на 213,3 %. Оросительные работы были проведены в Голодной степи в Туркестане и Муганской степи на Кавказе, ирригационные работы в Барабинской степи Томской губернии. Правительство финансировало меры по борьбе с оврагами и песками. Широкое развитие получили крестьянские сословно-общественные учреждения мелкого кредита.

Большое внимание правительство Столыпина уделяло созданию развитию инфраструктуры. Так, в 1909–1912 гг железнодорожная сеть в России выросла на 5,8 %, динамично росло число учреждений почт, телеграфа и телефона: 1908 г. — 13 376, 1913 г. — 16 213.

Расширялось пространство для частной финансовой инициативы. Развитие получили кассы мелкого кредита: 1908 г. — 19, 1914 г. — 203. К началу 1914 г. в России насчитывалось более 30 тыс. кооперативных объединений разных типов с числом членов свыше 10 млн человек.

За период столыпинских реформ в России увеличилось число торговых предприятий, товарных бирж, возрос объем ярмарочной торговли. Так, к 1913 г. в России уже было 94 товарных биржи. Возросли объемы внешней торговли. Так, в 1913 г., по сравнению с 1900 г., экспорт хлеба возрос на 94 %, одновременно увеличился внутренний товарооборот на душу населения.

Наметилась устойчивая тенденция к повышению уровня жизни всех слоев населения, увеличилось потребление важнейших продуктов питания, изменилась и его структура, возросли заработки промышленных и сельскохозяйственных рабочих, определенные сдвиги наметились в области здравоохранения (например, за 1906–1910 гг. число врачебных участков возросло с 3268 до 3804).

Весьма внушительны позитивные изменения в области начального, среднего, общего и специального образования. К концу 1914 г. в России насчитывалось 123 745 начальных учебных заведений. Количество детей в возрасте от 8 до 11 лет, обучающихся в начальной школе, составило по империи 30,1 % (в городах — 46,6 %, в сельской местности — 28,3 %). Рост числа учащихся начальной школы потребовал увеличения числа учебных заведений для подготовки учителей. К 1913 г. в стране уже было: учительских институтов — 33 (2249 чел.), учительских семинарий — 128 (12 190 чел.), педагогических курсов — 147. К этому же времени в России было 32 средних (8023 чел.) и 27 низших (2920 чел.) технических училищ; мужских гимназий и

прогимназий соответственно 441 (147 751 чел.) и 29 (4359 чел.), реальных училищ 284 (80 800 чел.). К 1913 г. возросло количество учебных заведений Министерства торговли и промышленности, Главного управления землеустройства и земледелия — 308 (2857 чел.). Общее число частных учебных заведений составило 2863. Кроме того, расширилась сеть национально-региональных учебных заведений: еврейских — 9248 и мусульманских (мектебе — 9723, медресе — 1064). К 1913 г. в России уже было 63 государственных высших учебных заведений, в которых обучались 71 379 студентов, общественных и частных высших учебных заведений — 54, в которых обучались 52 153 студента.

Темпы экономического и культурного развития страны привели к качественным изменениям всего социально-культурного облика России. Правительством Столыпина была разработана и реализована система мер по благоустройству городов и поселков городского типа (проведение канализации, водопровода, телефонизации, электрического освещения, трамвайных линий). Стал меняться облик российской деревни: взамен старых покосившихся деревенских изб, крытых соломой, строились просторные жилища, постоянным явлением в деревенской жизни стали ежедневные газеты, журналы, городская культура все активнее проникала в сельскую глубинку. Простой рабочий люд и деревенские жители стали лучше питаться, носить модную одежду, проявлять устойчивый интерес к вопросам общественной и политической жизни, следить за дебатами в законодательных палатах, принимать участие в общественно-политическом процессе.

Однако все же главным, определяющим условием успешности преобразований стал человеческий фактор. Раскрепощенная личность, получив право делать свой выбор, могла приложить свой ум и талант, трудолюбие и сноровку в любых сферах жизнедеятельности. Столыпинские реформы создавали иные ценностные ориентиры. Пробуждался интерес к получению образования — общего и специального, желание попробовать свои силы в инновационных отраслях экономики, и в целом в материальном производстве, выбрать такую профессию, которая больше всего отвечала бы природным склонностям и способствовала дальнейшему раскрытию потенциальных возможностей личности. Усилилась тяга к интеллектуальным формам творчества. На лекции в Народные университеты, вечерние курсы спешил стар и млад: первые жадно стремились наверстать упущенное, вторые овладеть новейшими достижениями в области науки и техники. Обычным явлением

стало посещение кружков самодеятельности, народных театров, клубов, организация обсуждения творчества модных поэтов и писателей. Возросло число тех, кто хотел участвовать в общественной и политической жизни в столице, губернском и уездном городе, поселке и в деревне. Все это свидетельствовало о том, что преобразования дали мощный энергетический импульс. По сути, в период столыпинских реформ закладывались основы новой модели поведения личности, неравнодушной к дальнейшим судьбам своей страны и искренне желавшей ей успеха.

Глубинные трансформационные процессы, проходящие в России, внимательно изучались и анализировались мировой общественностью. По официальным каналам и частным образом Россию посещали представители экономических кругов западноевропейских стран, эксперты и ученые, журналисты. Из множества зарубежных оценок остановимся на трех, которые были даны высокопрофессиональными специалистами в своих областях. Летом 1913 г. Петербург посетил председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Верналь. Цель его поездки состояла в том, чтобы выяснить условия предоставления России очередного крупного займа. Подробно изучив ситуацию в стране, Верналь пришел к выводу о том, что в течение ближайших 30 лет будет происходить подъем российской промышленности, вполне сравнимый со сдвигами в экономике США в последней трети XIX века. В августе 1913 г. в Россию прибыл профессор Берлинской сельскохозяйственной академии О. Аухаген, который обследовал ряд губерний Центральной России на предмет изучения хода и предварительных результатов столыпинской земельной реформы. Его итоговый вывод был весьма оптимистичным: «Я заканчиваю изложение своего мнения о вероятном успехе предпринимаемого правительством дела, соглашаясь с мнением выдающегося сельского хозяина, уроженца Швейцарии, управляющего около 40 лет одним из крупнейших имений России в Харьковской губернии, о том, что «еще 25 лет мира и 25 лет землеустройства — тогда Россия сделается другой страной»».

Внимания заслуживают наблюдения и вывод французского экономического обозревателя Эдмона Тэри, который в мае 1913 г. получил от министра земледелия Клементеля и министра общественных работ Жозефа Тьерри специальное задание изучить на месте результаты столыпинской земельной реформы и состояние инфраструктуры российской экономики. Однако Тэри в своей работе вышел далеко за рамки поставленной ему задачи. В результате им был подготовлен высокопрофессиональный обзор

состояния экономики России на 1914 год. При этом он использовал огромный статистический материал, позволяющий проследить развитие различных отраслей экономики России в динамике, сделал ряд интересных прогнозов гипотетического характера. Остановимся на итоговом заключении Тэри.

Первым фактором роста государственной мощи России он считал устойчивую динамику увеличения населения Российской империи. По его экспертным прикидкам получалось: «Если в течение 36 последующих лет все будет идти так, как между 1900 и 1912 гг., население России в 1948 г. будет больше, чем общее население других больших европейских стран».

Обращая внимание на рост плотности населения России, Тэри писал: «Во-первых, 50 губерний Европейской России достигнут за несколько лет плотности населения в современной Европе, во-вторых, огромные, еще пустующие территории Южной Сибири заселятся так же быстро, как американский Дальний Запад или пампа Аргентины, ибо почва здесь может быть более плодородна и условия существования по меньшей мере столь же благоприятны».

Вторым фактором государственной мощи России Тэри считал рост производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. Статистически обосновав вывод о росте российской промышленности (по отдельным отраслям и группам производства), Тэри особое внимание обратил на динамику роста сельскохозяйственной промышленности. «Излишне говорить, — приходил он к заключению, — что ни один из европейских народов не достигал подобных результатов, и это повышение сельскохозяйственной продукции, достигнутое без содействия дорогостоящей иностранной рабочей силы, как это имеет место в Аргентине, Бразилии, Соединенных Штатах и Канаде, не только удовлетворяет растущие потребности населения, численность которого увеличивается каждый год на 2,27 % (причем оно питается лучше, чем в прошлом, так как доходы его выше), но и позволило России значительно расширить экспорт и сбалансировать путем вывоза излишков продуктов питания все новые трудности внешнего порядка».

Третий фактор государственной мощи России определялся, по мнению Тэри, теми средствами, которые правительство вкладывало в народное образование и национальную оборону. Приведя статистические данные, Тэри сделал следующий вывод: государство за последние десять лет предприняло «огромные усилия, чтобы поднять уровень народного просвещения, оно увеличило также в огромных пропорциях свои военные расходы; а широкое использование в экономике возросших бюджетных

ассигнований обычного порядка позволяет казне продолжать эти усилия».

Экономическое и финансовое положение России Тэри считал превосходным. Подытоживая результаты своего экономического обзора, Тэри особо подчеркнул: «Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912-м, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Как видим, статистические показатели и экспертные оценки однозначно свидетельствуют о том, что реализация столыпинских реформ дала весьма и весьма значительные позитивные результаты. Они стали преображать Россию в своих основаниях, превращать ее в подлинно великую мировую державу. Столыпинские реформы проложили грань между старой и новой Россией. По сути, это были два принципиально различных качественных состояния одной и той же страны. Столыпину удалось уловить ведущие тенденции пореформенной модернизации, придать им новый импульс, что позволило с оптимизмом смотреть в будущее. Столыпин был убежден в том, что предложенный им тип модернизации позволит вывести страну на качественно новые рубежи развития.

Анализируя и сопоставляя плюсы и определенные минусы столыпинских реформ, следует со всей определенностью сказать, что их позитивные итоги многократно превосходили имевшиеся при их реализации издержки. Столыпин не просто обозначил контуры «новостроящейся» России, но и заложил прочный фундамент для качественных изменений. В этом, прежде всего, и состоит его огромная историческая заслуга. Долг перед любимой им Россией он выполнил сполна. Пуля террориста могла убить Столыпина как человека, но она не могла убить его идеи, его реформы, которые продолжали укореняться на русской почве вплоть до Первой мировой войны. К сожалению, в России не нашлось второго Столыпина — последователя и продолжателя деяний первого.

Заключение

Проблема реформ — одна из острейших проблем российской истории. Они способствовали мобилизации огромных людских, материальных ресурсов, влекли за собой значительные издержки, даже людские потери, и тем не менее не решали ключевую стоящую перед ними задачу: не способствовали выходу России на качественно новый уровень развития, когда в центре всей социальнополитической системы оказывался человек. Реформаторы России зачастую оказывались заложниками собственных преобразований, которые плодили конфликты и социальные противоречия. Ведь всякий раз изменению подлежала не вся система политических, правовых отношений, а лишь некоторые из ее элементов. Уникальность П.А. Столыпина — реформатора как раз и заключается в том, что он впервые в отечественной истории предложил программу системного реформирования России, которая позволила бы стране выйти из этого заколдованного круга и решить проблему конкурентоспособности России на международной арене.

1911 год стал критическим в истории столыпинских преобразований. Нападки на премьера со всех сторон лишь усиливались. В газетах появлялись публикации о готовящемся покушении на премьера, аналогичные сведения приходили из других источников. Он чувствовал себя все более одиноко. Не сомневался в том, что его убьют, завещал похоронить его там, где это произойдет. Столыпин ясно оценивал свои перспективы и, говоря о слепоте окружавших его, указывал, что отсрочил революцию и его «жиром» можно будет еще лет пять продержаться. Отправляясь в Киев на торжества, посвященные 50-летию освобождения крестьян, он не взял с собой специально приставленных телохранителей. А в парадном кортеже для него даже не было приготовлено отдельного экипажа — пришлось воспользоваться любезным приглашением министра финансов В.Н. Коковцова.

1 сентября 1911 года Столыпин был смертельно ранен в Киевском оперном театре террористом Дмитрием Богровым. Киевский губернатор А.Ф. Гирс впоследствии вспоминал: «При самом начале второго акта, когда государь отошел вглубь аванложи, а П.А. Столыпин встал и, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким, я на минуту вышел к подъезду, чтобы сделать какое-то распоряжение. Возвращаясь, я встретил министра финансов Коковцова, пожимавшего руку встречным и говорившего: «Я

уезжаю сейчас в Петербург и тороплюсь на поезд». Простившись с министром, я медленно пошел по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшего передо мной П.А. Столыпина. Я был на линии шестого или седьмого ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих выстрела, последовавших один за другим. В театре громко говорили и выстрел слыхали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П.А. Столыпина и на несколько секунд все замолкло. Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено». Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя». Увидя государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руку и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич на виду у всех благословил его широким крестом».

Это убийство стало одним из самых громких политических убийств XX века. Тем не менее, о нем очень мало известно. Не вполне очевидны мотивы убийства, связь Богрова с революционными организациями и царской охранкой. Материалы следствия изданы в 2003 году Фондом изучения наследия П.А. Столыпина, и внимательный читатель сам может сделать из них свои выводы. Подчеркнем, однако, что пуля Богрова лишь немного ускорила ход истории. Столыпин испытывал физические недомогания и предчувствовал скорую смерть. С ним не раз происходили обмороки, он часто жаловался на сердце. Он знал, что уже не может так же интенсивно работать, как в прежние годы. Перед последней поездкой в Киев он вызвал своего заместителя С.Е. Крыжановского и передал ему свой секретный архив. Столыпин указал, что плохо себя чувствует и может не вернуться из Киева. В этом случае он просил передать бумаги сыну по достижении им совершеннолетия (21 год) или уничтожить (что Крыжановский и сделал в дни Февральской революции).

Кроме того, была предрешена и отставка Столыпина. Его политика вызывала неприятие практически всей политической элиты, в том числе и царя. Лишь трагическая смерть премьер-

министра позволила России оглянуться назад и оценить масштаб его личности и его достижений.